

ОЛЬГА
ЧАЙКОВСКАЯ

БОЛОТНЫЕ ОГНИ

ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Тайный фронт

Ольга Чайковская

Болотные огни

«Алисторус»

1958–1962

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.76

Чайковская О. Г.

Болотные огни / О. Г. Чайковская — «Алисторус», 1958–1962 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-661-1

Ольга Чайковская (1917–2012) – журналистка номер один XX века. Ее статьи в «Литературной газете» и «Известиях» читала вся страна. Она была и талантливой писательницей, всегда ярко и честно писавшей о самых острых проблемах общества. Эта книга – ее шедевр в жанре детектива. Роман возвращает читателя к началу 1920-х годов, к трудному времени становления и укрепления советской власти. Молодые сотрудники уголовного розыска в маленьком уездном городке, посланные в ряды милиции по партийной мобилизации или явившиеся по зову сердца, они не знают специфики новой работы. Но все душевные силы этих людей направлены к одной цели – обнаружить, выловить, обезвредить бесчинствующих бандитов... Вместе с ними мы познаем жизнь и разгадываем не только цепочку преступлений, но и психологические ребусы, без разрешения которых невозможна охрана правопорядка.

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.76

ISBN 978-5-00269-661-1

© Чайковская О. Г., 1958–1962
© Алисторус, 1958–1962

Содержание

Часть первая	7
Глава I	7
Глава II	18
Глава III	29
Глава IV	44
Часть вторая	48
Глава I	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ольга Георгиевна Чайковская

Болотные огни

Роман

© Чайковская О.Г., правообладатели, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

* * *

Берегитесь! Болотные огни в городе!
Ганс-Христиан Андерсен

Часть первая

Глава I

В нашем поселке было всего четыре улицы. Жили здесь железнодорожные рабочие и служащие, к которым впоследствии присоединилось несколько домовладельцев, бежавших из соседнего города в дни революции.

Здесь было тихо. Гражданская война, промчавшись по стране, не задела нашего поселка, но она заставила жителей его теснее прижаться к земле. Эти недавние горожане начали сажать картошку, сеять просо и разводить кур. По утренней росе к оградкам застекленных дачек, играя на рожке, подходил пастух, и бледные инженерши, качаясь со сна, выгоняли коров на поросшую травой улицу.

После революции мы выбрали поссовет во главе с добрейшим человеком дядей Сеней, местным столяром, – вот, собственно, и все изменения, которые здесь произошли.

У нас не было земли, которую нужно было делить, заводов, которые нужно было отнимать, помещиков и капиталистов, которых следовало уничтожать как класс. В поселке было двенадцать коров и одна лошадь, старая кобыла Розалия, принадлежащая Нестерову, бывшему жокею. В этом да еще в некотором количестве кур и коз заключалось все наше достояние. Была еще у тети Паши знаменитая кошка Люська.

Это была необыкновенная кошка.

О ней слагались легенды. И в самом деле – когда однажды, завалив ветхий забор, к ним в сад забрела корова, Люська пошла ей навстречу и, став на задние лапы, передними надавала корове по морде. Та долго и глупо водила рогатой головой, а потом умчалась, раскидывая ноги. Кошка пошла домой.

Она часами сидела на стуле, не лежала, свернувшись клубочком, а сидела, опираясь на передние лапы, и дымным взглядом своим глядела в окно. Она не терпела фамильярности и коротко кусала всякого, кто самовольно пытался почесать ей за ушком. Но а уж если она подходила сама потереться и помурлыкать, этот редкий знак доверия надобно было ценить. Никто, разумеется, и не посмел бы требовать от нее, чтобы она ловила мышей. Впрочем, она их ловила, но как-то странно: хватала мышей-полевок, тащила в дом и тут благосклонно отпускала, отчего мыши в доме разводились очень быстро. Она была гордостью тети Паши, женщины суровой, смуглолицей, в зеленых, бутылочного стекла, серьгах.

И вот случилось происшествие, взволновавшее весь поселок.

У тети Паши появились новые жильцы, два здоровых парня, привлечших, конечно, всеобщее внимание.

Они ходили в щегольских галифе и сапогах, которые подолгу чистили на крыльце. Говорили, что они где-то работают, однако их часто видели днем во дворе, когда они доставали воду из колодца, кололи дрова или занимались каким-нибудь другим хозяйственным делом. Как-то раз один из них вышел с косою и стал срезать высокую садовую траву.

– Прасковья-то, – сказали по этому поводу поселковые дамы, – ничего себе жильцов нашла, и воду ей носят, и траву косят, только что суп не варят.

В это время все и произошло. Видно было, как высокий парень, прыгая в траве, погнался за кем-то, время от времени всаживая в землю острую косу, и в тот же миг на тропинку вырвалась Люська. Из последних сил мелась она по земле, оставляя кровавый след.

– Ты что, охломон, делаешь?! – крикнула через забор соседка.

– Ах, это кошка, – холодно глядя на нее, сказал парень, – а я думал, это крыса.

Разумеется, то была ложь: спутать сибирскую кошку с крысой было невозможно. Но самое странное заключалось в том, что тетя Паша, которая стояла тут же, на крыльце, и, словно онемев, смотрела на происходящее, молча повернулась и пошла в дом. И это тетя Паша, первая ругательница во всем поселке, никому еще отроду не спустившая ни одного поперечного слова!

Так эта история началась в поселке – казалось бы, событием совершенно незначительным. Еще незаметнее вторглась она в жизнь небольшого городка, расположенного верстах в семи по железной дороге.

Это был обычный уездный городок. Из его улиц только две были мощены булыжником, остальные представляли собой просто широкие дороги, устланные, как водится, толстым слоем пыли; в этой горячей пыли тут и там, еле шевелясь, блаженствовали полузасыпанные куры. Из-за заборов и палисадников, высушенных солнцем, тянулись широколицые подсолнухи. Изредка по улице, крутя хвостиком, брела свинья.

Город был плоским и низкорослым, только церковь и водокачка возвышались над ним. Церковь, тяжелая и приземистая, построенная местными купцами, была теперь лишена крестов и отдана под клуб. У водокачки была мрачная слава: в гражданскую войну белые банды у стены ее во дворе расстреливали красноармейцев.

На краю города стояла ткацкая фабрика. Раньше она мало влияла на общий облик города, теперь определяла его жизнь и была его центром. Отсюда, распахнув узорные ворота, выходила в праздник демонстрация – все больше женщины в алых платочках; здесь происходили городские митинги. Из ткачих были члены городского Совета, ткачихи заседали в суде и в качестве фининспекторов наводили ужас на нескольких более или менее крупных и множество мелких частников, расплодившихся со времен введения нэпа.

Вдоль улиц тянулись низкие лабазы, ныне превращенные в фабричный склад, а за ними шли городские учреждения и магазины, в убогий ряд которых недавно вторгся великолепный по здешним масштабам частный магазин готового платья с витриной и даже манекеном – их город до сих пор не видал – улыбающейся красоткой в узкой юбочке до колен. Местные старухи всегда плевали, проходя мимо нее. Она же с улыбкой глядела на пыль, на кур, на косматые сонные возы, что ползли по улице, роняя хлопья сена.

Анна Федоровна вышла из дому рано, пока еще не было жары, и привольно, как рыба, попавшая в родной пруд, пустилась по улицам. Все свои шестьдесят лет она прожила в этом городе и на этих самых улицах, однако сегодня они казались ей необычными. Впрочем, она, как всегда, плюнула, увидев улыбающийся манекен, и перешла на другую сторону.

– Где брали? – не сбавляя хода, спросила она у старухи, шедшей навстречу с миской капусты в руках. – В потребилке?

Спросила она по привычке, так как капуста ее сегодня очень мало беспокоила.

– Как же! В потребилке! – желчно ответила старуха. – Она там синяя, хуже мертвеца.

Но Анна Федоровна уже увидела то, что ей было нужно. У овощного ларька таскала ящики коротконогая Нюрка. Она была грязна, как картофелина, вынутая из земли в осеннюю слякоть.

Анна Федоровна и виду не подавала, что обрадовалась. Она подошла к Нюрке очень близко и сказала, безучастно глядя в сторону:

– Левка вернулся.

И вдруг зорко глянула в побледневшее Нюркино лицо.

– Нет, – сказала Нюрка, напряженно глядя на Анну Федоровну.

– Не нет, а да.

Разговор шел шепотом.

– Впору уезжать, – сказала Нюрка.

Анна Федоровна только кивала головой.

– Тётъ Нюш! – умоляюще прошептала Нюрка. – У вас же начальник на квартире стоит. Шепнули бы ему словечко. Ведь вы же знаете...

– Мне что, жить надоело?! – зашептала в ответ Анна Федоровна. – В чужие дела лезть? Нет уж, жизнь прожила, никогда этого не делала и делать не буду. И тебе не советую.

– Я ничего не говорю, только если бы начальник знал заранее...

– Пусть уж без нас узнаёт.

– Чего там узнавать, когда скоро весь город узнает. Он один или со своими?

– А когда он один бывал? Ничего, авось нас с тобой не зарежут. Да что ты, да оборони меня господь болтать, страх какой!

– Сейчас в потребилке постное масло давать будут, – мрачно и теперь уже громко сказала Нюрка, принимаясь за свои ящики, и Анна Федоровна тотчас же пустилась в путь.

– Женщины! – крикнула она, проносясь мимо хлебной очереди. – В потребилке постное масло дают!

Она сказала это с точным расчетом, когда была уже далеко и никто из очереди не мог бы ее обогнать. С несравненно большим удовольствием крикнула бы она: «Женщины! Левка вернулся», но она этого, конечно, никогда не стала бы делать.

Парня, убившего кошку, поселковые ребята прозвали «Люськин убийца», а затем весь поселок стал называть его просто Люськин, словно это была его собственная фамилия. Люськин по-прежнему жил у тети Паши со своим приятелем Николаем, крупным молчаливым парнем. Иногда у них, должно быть, собирались гости, окна тети Пашиного дома ярко светились, слышалось дребезжание стекла и гитары, громкие голоса; однако откуда приходили и куда уходили эти гости, никто не знал. Может быть, только один Нестеров, владелец кобылы Розалии.

Этот Нестеров, немолодой уже человек, с великолепной фигурой и потасканной цинической физиономией, давно уже, как было известно всему поселку, пленил сердце тети Паши. Старая Розалия подолгу стояла у тети Пашиного крыльца, оставаясь здесь иногда до самых утренних сумерек. Теперь Нестеров приезжал сюда особенно часто – единственный, кто был принят в компанию новоприезжих.

Между тем по поселку пошли тревожные слухи. Говорили, что на дороге, которая вела к станции, останавливали людей, били, требовали денег. Говорили, что с кого-то сняли костюм, что в самом поселке напали на Костю, сына машиниста Молодцова, ударили ножом в спину. Говорили, наконец, что в поселке появился известный бандит Левка, при имени которого еще недавно дрожал соседний уездный город. Все это только говорили, никто из потерпевших ничего не подтверждал, милиционер Васильков, невзрачный мужичок в сатиновой рубаше (в дешевой глуши еще не видали тогда милицейской формы), ходил как ни в чем не бывало. Только вот Костя Молодцов действительно лежал в постели и никого к нему не допускали.

Осторожные люди перестали ездить последним поездом, но многие не сдавались, утверждая, что все эти страшные рассказы возникли в головах женщин, напуганных смертью кошки Люськи. Однако вскоре случилось еще одно происшествие, куда более серьезное.

Недалеко от поселка на горельнике – большом пустыре, где пять лет назад выгорел лес, оставив черную землю да несколько опаленных сосенок, – стоял клуб, большой щелявый сарай, уставленный скамейками.

На стенах его висели кумачовые, писанные мелом плакаты и портреты вождей. Сюда привозили потрепанные фильмы, и тогда народу набивалось столько, что нечем было дышать, а зрители первого ряда сидели прямо на полу. Картины привозили очень редко, но молодежь собиралась здесь почти каждый вечер, рассаживаясь обычно на бревнах, оставшихся после постройки клуба. Верховодила здесь Милка Ведерникова, веселая девушка, недавно вернувшаяся из губернского города.

В иные вечера бесшумно и всегда со стороны леса появлялось несколько парней, в их числе тети Пашины жильцы Люськин и Николай. Они садились на бревно поодаль, молча курили, плевали меж расставленных колен, порою тихо перебрасывались словом.

С их появлением разговор становился натянутым, шутки неловкими, смех настороженным. Парни поднимались разом, словно по неслышной команде, и уходили в темноту. Никто не смотрел им вслед – никто, кроме Милки Ведерниковой.

Как-то в клуб привезли картину, называлась она «В пламени», ее афиши, выставленные на щитах в клубе и на станции, изображали искаженное от ужаса женское лицо, наполовину скрытое языками огня. Клуб был набит, народ прибывал, задние напирали на передних, началась давка. Между тем одна из скамеек оставалась пустой, и все делали вид, что ее не замечают: на ней мелом было написано: «Не занимать». Неизвестно откуда пошел слух, что эта скамья предназначена для Левки и его парней.

И вот самый веселый из поселковых мальчишек, белобрысый Васёк (у которого вечно сползали с живота, еще по-детски толстого, его латаные штаны), один-одинешенек занял пустую скамейку. Он сидел и победоносно подпрыгивал, подкидывая локти и вертя головой. Трудно сказать, что он думал и знал ли о зловещих слухах, однако он был, очевидно, горд отвагой и обращенными на него взглядами. Погас свет, затрещал аппарат, и Васёк, наверное, забыл обо всем на свете, поглощенный мерцающим рябым экраном. Здесь на столе горела свеча, а подле вздымалась занавеска, все ближе и ближе к пляшущему язычку огня – еще минута, и занавеска вспыхнет! Так начиналась картина. В это время послышалась какая-то возня, кто-то вскрикнул, кто-то продирался к выходу, раздалось: «Свет, свет, дайте свет!»

Когда зажгли свет, Васёк был еще жив, но через минуту он вздохнул и умер.

Его убили ножом в спину. Убийцу, если верить присутствующим, никто не разглядел, говорили, что это был невысокий и, кажется, никому не известный парень, который вырвался из клуба и скрылся раньше, чем успели что-нибудь сообразить. Васька хоронили всем поселком. И с тех пор не осталось здесь ни одного человека, который не верил бы в существование Левки и его банды.

Страшно стало в поселке, особенно по ночам. С наступлением темноты на улицу не выходили, с последним поездом больше не ездили, в домах ждали ночных налетов. Оружия ни у кого не было, если не считать милиционера Василькова, который ходил тише воды ниже травы. К нему никто не обращался – это было бесполезно, да кроме того прошел слух, что всякий, кто обратится к властям, будет немедленно зарезан со всей своей семьей. Кто защитит? Милиционер Васильков? Или те представители чего-то, которые приезжали в связи со смертью Васька? Поселок молчал.

Возвращаясь домой в поселок, Борис Федоров мечтал о тихих вечерах, о знакомых с детства лесах с густым подлеском и полянами, о холодном, с погреба молоке и заросшей осокою речке Хрипанке, где так славно ловить плотву. Он соскучился по родным местам, и теперь не только свидание с матерью или другом Костей, но встреча с любым поселковым жителем, будь то хоть Семка Петухов, была бы ему приятна.

Первым человеком, которого он встретил в поселке, была приятельница его матери тетя Паша – она стояла на крыльце своего дома.

– Эй, тетя Паша! – весело крикнул Борис, проходя. – Здравствуй!

Он ждал, что она вскрикнет «Батюшки, Борька!» и всплеснет руками, однако тетя Паша отвернулась равнодушно и, как ему показалось, нарочно. Навстречу Борису бежала мать. Не говоря ни слова, она схватила сына за руку и потащила в дом.

– Не разговаривай с ней, – сказала она вполголоса и нервно.

«Поссорились? – думал Борис, пока его тащили в дом. – Так сильно поссорились?»

Заперев дверь на засов, мать разрыдалась, уткнувшись лицом в Борисову куртку.

– Боже, какое счастье, что ты приехал днем!

– Ну что такое? Ну что случилось?

Прерываясь и всхлипывая, мать старалась ему что-то объяснить, но Борис ничего не понимал. Получалось, что все кругом бандиты, включая тетю Пашу.

– Ничего, ничего, успокойся, – сказал он, – все образуется. Как Коська?

– Так я же тебе говорю, его ножом в спину ударили. Умирает твой Костя.

«Черт знает, что такое», – думал Борис, выходя из дому.

По дороге ему встретился Семка Петухов. Он был очень молод, моложе Бориса, еще совсем недавно бегал босиком, в вылинявших трусах, и все почему-то охотно «давали ему леща», однако теперь он ходил в толстовке, как пожилой бухгалтер, и носил очки.

Ладно, пусть хоть Семка, это лучше, чем ничего.

– Семка, друг! – крикнул Борис еще издали. – Как дела?

Семка шел к нему не спеша.

– Здравствуй, – сказал он с достоинством. – Надолго в наши Палестины?

– На каникулы. Слушай, что это у вас здесь происходит?

Взгляд Семки стал, как показалось Борису, нарочито непонимающим.

– А что, собственно, происходит?

– Да, говорят, у вас здесь людей стали резать?

– Вредные слухи, – сказал Семка, движением бровей и носа поправляя очки.

– Разве Васёк – тоже слухи?

– Есть несознательные, – неохотно ответил Петухов.

– Ну а что Костя?

– Костя? – так же непонимающе повторил Семка. – Я, правда, давно его не встречал, но не вижу оснований беспокоиться.

– А я вижу, – ответил Борис и теперь уже почти побежал.

Пройдя знакомым палисадником, он постучал в низкую дверь.

– Кто там? – послышался голос старика Молодцова.

– Откройте, дядя Коля. Я к Косте.

– Болен Константин, нельзя к нему.

– Это я, Борис. Я на минуту.

Дверь отворилась.

– Входи, – сказал старик Молодцов.

– Дядя Коля, неужели это правда?

Костя лежал в постели. Он был бледен и встретил Бориса недвижным взглядом темных глаз. Одна рука его, худая и оттого казавшаяся какой-то граненой, лежала на одеяле. Борис присел на кончик стула. О чем говорить, он не знал. Наступила долгая пауза.

– Как же это случилось, Коська? – спросил он наконец шепотом и тут же увидел, как старик Молодцов, ставший за изголовьем, делает ему знаки. Но было уже поздно.

– Они ударили меня в спину, ударили ни за что, – голосом одновременно и монотонным и дрожащим сказал Костя.

Старик Молодцов опять предостерегающе покачал головой.

– Ну ничего, пес с ними, ихняя песенка теперь спета, – сказал Борис, – поправляйся.

– Они приходили сегодня ночью, – тем же монотонным голосом продолжал Костя, – пришли во двор, схватили Дружка и повесили на колодце. Все слышали, как Дружок визжал, но никто не вышел.

– Ничего, ничего, – бессмысленно повторял Борис, – мы с ними быстро покончим.

Старик, мигнув Борису, пошел прочь из комнаты. Костя, казалось, остался равнодушен к их уходу.

– Сильно ослаб, – шепотом сказал старик, когда они вышли в сени, – потерял много крови. Ведь он тогда добег до палисадника, да здесь и свалился. Дружок лаял, да нам как-то

ни к чему сперва было. А кровь-то, между прочим, все льется. Наконец слышу – надывается пес. Вышел посмотреть – гляжу...

Старик развел руками.

– А про собаку это он правду сказал?

– Правду. Это, значит, вроде как напоминание было. Помните, так вашу эдак, в чьей вы власти состоите.

– Но надо же что-то делать! – воскликнул Борис.

– Сурьезно? – спросил старик не то с интересом, не то с насмешкой.

Борис не ответил.

– Ну так слушай, – сказал Молодцов, – прежде всего ты должен куда-нибудь отправить мать.

– Отправить мать?..

– Без этого ничего не начинай, даже ни с кем и не говори. И сам уезжай. Действовать нужно не отсюда, а из города. Я сейчас ничего сделать не могу, у меня на руках старуха и Коська, а ты мог бы попробовать.

– Что ж, дядя Коля, мать я попытаюсь отправить.

– А после этого езжай в город, в розыск. Что за человек их начальник, я хорошенько не знаю, но есть там у них замечательный мужчина, Водовозов ему фамилия. Расскажи ему, что и как. Может, станешь у них работать. Веселье будут у тебя каникулы.

Был жаркий день, вилась горькая пыль. Борис шагал по городу в поисках угрозыска. Это учреждение его очень занимало, да и вообще настроение у него было прекрасное: мать согласилась уехать к сестре на Волгу. Правда, она никак не могла понять, почему бы и Борису не отправиться вместе с нею. Пришлось врать. «А ты не ввяжешься здесь во что-нибудь?» – спрашивала она. «Нет, нет», – отвечал Борис.

«Этого еще не хватало, – думал он, сворачивая с мощеной улицы на песчаную дорожку переулка, – сидеть сложа руки да еще за семью запорами. Ничего, сейчас наведем порядок! Ничего».

Раньше, когда Борис бывал в городе, он старался идти так, чтобы не видеть водокачки, где четыре года назад бандиты расстреляли отца. Однако отовсюду ее было видно, оставалось выбирать переулки таким образом, чтобы она по возможности оказывалась за спиной.

Розыск был расположен в ветхом домике самого мирного вида. Когда Борис подходил к воротам, в них въезжала телега, доверху груженная бряцавшими ведрами и бидонами – словно здесь был не розыск, а лавка скобяных товаров. Рядом с телегой шел белокурый паренек.

Водовозова, о котором говорил старик Молодцов, на месте не было, Борис пошел в кабинет начальника розыска Берестова.

– Ну что ж, – сказал тот, когда Борис назвал себя и объяснил, зачем явился, – хорошо, что пришел. Спасибо, хоть кто-то пришел. Кстати, я о тебе слыхал.

Он посмотрел в окно.

Борис во все глаза разглядывал этого человека, от которого зависела теперь судьба поселка. Не молод. Лицо не сильно побито оспой. В общем, простой человек в кепке, сдвинутой далеко на затылок. Однако не такая у него работа, чтобы быть ему простым. Как знать, что видят эти глаза по ночам?

– Что же, выходит, – продолжал Берестов, – выходит, что поселок за бандитов горой... Постой, знаю, все знаю, но посуди сам: к нам сюда, если не считать одного человека, никто до сих пор не обращался. Кого, ни спросишь – ничего не видали, ничего не слыхали. Мальчонку убили при всем честном народе, а свидетеля ни одного не нашлось. Васильков! Милиционер! Он напуган так, что ни одной улики представить не может, ни одной фамилии назвать не решается. «Неизвестный скрылся» – и всё.

Он свернул козью ножку, закурил и опять взглянул в окно.

– А народу у нас мало, городишко, сам знаешь, небольшой, фабрика ткацкая, одни женщины, а наше дело не женское. А хуже всего... Ну да ладно.

Борис с почтением и страхом слушал речи начальника, ему и в голову не приходило, что значит это «хуже всего». «А хуже всего, – думал Берестов, – что я такой же начальник розыска, как и ты, и дело это знаю немногим лучше тебя». Однако Борис, разумеется, не умел читать чужие мысли.

– Вот вы сказали про поселок, – неуверенно начал он, – так ведь у нас все в одиночку живут, даже комсомольской организации нет...

– А вы что же смотрите... – начал было Берестов, но тут же вскочил и подошел к окну. – Приехали, – желчно сказал он.

Во двор въезжала еще одна подвода, с которой бойко соскочил милиционер Васильков.

«Уж не покойника ли опять?» – с беспокойством подумал Борис.

Нет, Васильков с возницей волокли в дом какой-то столб. Они прогромыхали им по лестнице и, зацепив за наличник, ввалились в комнату. Здесь они стали, держа столб перед собой и всем своим видом показывая, что ждут эффекта необыкновенного.

Это был толстый свежесрубленный столб, нижний конец которого был темен и влажен – его, очевидно, только что вытащили из земли; к верхнему же был прибит кусок фанеры с надписью, сделанной красной и черной краской.

После одиннадцати часов вечера проход по дороге воспрещен.

За нарушение – Смерть.

значилось на фанере.

– Левка, – проговорил Берестов.

В это время в комнату вошел высокий красивый человек. Он молча остановился у столба, глубоко, чуть не по локти засунул руки в карманы и стал читать. Читал он очень долго, словно был не в ладах с грамотой.

– Шутники, – сказал он наконец.

Он глянул на Берестова горячим взглядом, странно не вязавшимся с ленивыми движениями его большого тела. Борис сразу догадался, кто это такой. «Так вот он, гроза бандитов, Павел Водовозов».

– Зачем же вы столб-то волокли? – спросил Водовозов у милиционера.

– Вещественное доказательство, – лихо ответил тот.

В комнате стали появляться всё новые и новые лица – сотрудники розыска и милиции заходили посмотреть на диковинный столб. Среди них была женщина.

Она была в гимнастерке, сапогах и мужской кепке. Щурясь и скалясь от едкого дыма папироски, которую зажала в зубах, она стояла и слушала, что говорит ей какой-то паренек, а потом произнесла очень громко и отчеканивая слова:

– Полагаю, что мы, в Петророзыске, этого бы не допустили. Думаю, что так.

«От этой пощады не жди», – подумал Борис и стал искать глазами Водовозова. Тот стоял, окруженный толпой сотрудников, и рассказывал что-то веселое – во всяком случае, его рассказу все смеялись. Лицо его в этот миг было простым и мальчишеским.

– Ну, коли мы в сборе, садитесь, товарищи, – сказал Берестов, и все стали рассаживаться на столы, на стулья, на подоконники – кто куда.

Это начиналось совещание.

– У нас на повестке дня два основных вопроса, – начал Берестов. – Банда Сычова – это раз. Поселковое дело – это два.

– Вы забыли еще одно главное, – как бы невзначай бросил сидевший на подоконнике паренек, тот самый, что привез во двор бидоны. Борис удивился и позавидовал свободе, с которой он себя держал.

– Ладно, ладно, – ответил Берестов, видно прекрасно понимавший, о чем идет речь, – на фабрике уже уплатили – значит, и нам скоро заплатят.

– Так три же месяца.

Речь шла о жаловании, которое в те времена нередко задерживалось месяцами.

– Вы как хотите, – продолжал паренек, поеживаясь и постреливая глазами на присутствующих, – а я без жалования скоро разложусь. Акурат попаду в когтистые лапы нэпа.

Все заулыбались (только женщина вскинула брови, а потом прищурилась).

– Я т-те разложусь, – также улыбаясь, сказал Берестов, – шефскую муку получил? Махорку получил? Ну и не ори. Итак – дело Сычова.

Встал Водовозов. Он просил подождать несколько дней: вожаки кулацкой банды перессорились, перестрелялись и смертельно надоели местному населению – даже тем, кто их раньше поддерживал.

– Словом, – сказал Водовозов, – через неделю, самое большее – десять дней, доставлю вам Сычова не живого, так мертвого.

Никто, казалось, не удивился уверенности Водовозова, все перешли к дальнейшим делам, словно судьба Сычова была уже решена.

Неожиданно слово взяла женщина в кепке.

– Я хочу сказать о нарследах, – начала она и долго потом говорила о том, что народные следователи работают не так, как нужно, часто произнося при этом «Петророзыск, Петрогубсуд».

К ее речи отнеслись как-то странно: выслушали в молчании и сейчас же перешли к другим делам. Никто не стал обсуждать работу нарследов, никого не заинтересовал Петрогубсуд.

– Итак, поселок, – сказал Берестов, как только она кончила, – сейчас все силы на поселок. Как вы знаете, в поселке произошло убийство, один тяжело ранен, бесчисленные грабежи. Надо думать, там обосновалась банда. Подозрения падают на двоих новоприезжих, остановившихся у некоей тети Паши. Мы навели о них справки – что же, оба демобилизованы из армии и работают у нас в городе в ремонтных мастерских. Работают не очень хорошо, но и ничего плохого за ними не замечено. Теперь – сегодняшний столб. Никак пока не соображу, зачем он им понадобился..

– Жителей пугают, – предположил белокурый паренек.

– Да они и так уже напугали. Нет, этот столб для нас.

– Дразнят? – спросил Водовозов.

– Может, и так. А может, и еще какие дели. Словом, все силы сейчас на поселок. Васильков, я прошу тебя разузнать, откуда они взяли столб. Рябчиков, – обратился он к белокурому пареньку, – займись домом этой самой тети Паши (парень откозырял, не вставая с подоконника). Ты, Павел (это к Водовозову), как только освободишься от Сычова, пойдешь в засаду на дорогу. Пока всё.

– Постойте, товарищи, так нельзя, – вмешалась женщина в кепке, – у нас есть еще один вопрос – это кружки. Есть решение организовать кружок «Безбожник» и всем коллективом вступить в общество «Друг детей».

– Да, товарищи, – устало промолвил Берестов, – записывайтесь в кружки.

Никто теперь в поселке не сомневался, что парни, поселившиеся у тети Паши, из Левкиной банды. Не верила этому одна только Милка Ведерникова.

– Никакие они не убийцы, – говорила она.

– Откуда ты знаешь? – спрашивали ее.

– Знаю, – отвечала она уклончиво.

О, Милка могла бы им ответить. Она знала от тети Паши, что один из ее жильцов, Николай, был на фронте и совсем недавно демобилизовался. Тогда многие возвращались из армии. Милка всей душой понимала этих людей: в их глазах еще видения недавних кавалерийских

атак, на их лицах еще отсвет ночных костров, им трудно привыкнуть к серым будням. Голодные, в пыли и крови, они спасали страну и отстояли революцию. Они смертельно устали, а вы встречаете их смешками и грязными сплетнями. Впрочем, это неважно: они вас не видят.

Примерно так думала Милка. Ей совсем не нравился Люськин с его толстым носом и срезанным подбородком, но зато Николай произвел на нее большое впечатление.

Николай был молчаливым парнем с правильным, спокойным лицом и падавшими на глаза густыми светлыми волосами. Он всегда ходил, задумчиво опустив голову, а когда в своей неизменной компании сидел на бревне около клуба, казался одиноким.

Однажды ей даже удалось поговорить с ним. Он возился около калитки тети Пашиного дома – что-то пилил там небольшой ручной пилой. Милка как раз проходила мимо, когда он бросил пилу и быстро поднес руку к губам.

– Порезались? – сейчас же спросила Милка.

– Да нет, ничего.

Но Милка все-таки сбегала домой за бинтом и сделала перевязку по всем правилам искусства, ибо кончила курсы сестер милосердия. Он стоял и, опустив ресницы, смотрел, как ложится бинт. Зубья пилы довольно сильно разорвали кожу на этой большой руке с толстыми корявыми ногтями.

Милка работала ловко, быстро перекатывая и перехватывая бинт.

– Так не туго?

– Ничего.

Он не поблагодарил ее, и ей это было приятно, словно он признал ее право заботиться о нем.

Домой она шла как во сне.

– Ты с ума сошла! – сказала ей соседка. – Это же бандит.

Милка не удостоила ее ответом. Теперь она была готова выступить в защиту Николая против целого поселка.

Если Милка и отказывалась считать новоприезжих бандитами, то поселковые ребятишки в этом не сомневались. О доме тети Паши рассказывались кошмарные истории: кто-то в полночь (а в поселке полночь была действительно полночью, а не началом ночи, как в городах) слышал страшные стенания, раздававшиеся там, кто-то видел белую фигуру (непреренно белую!), безмолвно тянувшую из окна свои руки. Говорили про какие-то пятна, вовремя не отмытые с крыльца. Словом, говорили все то, что и полагается говорить ребятишкам, собравшимся в сумерках на сеновале.

Сережа Дохтуров... Но прежде всего скажем несколько слов о семье Дохтуровых, которой предстоит сыграть немалую роль в этом рассказе.

Инженера Дохтурова в поселке знали сравнительно мало (он много работал, рано уезжал и поздно возвращался), хотя и очень им интересовались – особенно женщины. Он был хорош собой и походил на морского офицера. Зато тещу его, Софью Николаевну, знал весь поселок.

Она была на редкость бестолковая женщина. Так, например, она могла остановить на улице дядю Сеню, председателя поссовета.

– Нет, вы скажите, – говорила она, – какое право имели они отнимать у людей землю?

«Они» – это были большевики, а люди, очевидно, помещики. Впрочем, ни сама Софья Николаевна, ни родня ее никогда землей не владели.

– Что уж тут поделаешь, – отвечал дядя Сеня и разводил руками.

– Нет, скажите, по какому праву?

Дядя Сеня снова, улыбаясь, разводил руками. Одна бровь его была выше другой.

Кроме того, Софья Николаевна вырвала себе все зубы. Когда-то передние зубы у нее были такие длинные, что верхняя губа никак не могла их прикрыть. Софья Николаевна мужественно вырвала их и заменила вставными. Произошло это много лет назад, однако в поселке помнили

об этом событии, и всякий, кто разговаривал с ней, смотрел ей в рот и думал о вырванных зубах. А когда она говорила, кончик ее бледного носа мерно двигался вверх и вниз. И у нее росли усы.

Жена инженера умерла от тифа несколько лет назад, оставив единственного сына Сережу. Теперь это был тонкий и бледный тринадцатилетний мальчик с большими жалобными ушами.

Жизнь Сережи была сложна. Больше всего на свете он любил отца и больше всего на свете ненавидел бабушку Софью Николаевну; он гордился отцом и страдал от бабкиной глупости. Однако неприятности в его жизни не ограничивались бабушкой. Мальчик был общителен, ему хотелось бегать с ребятами, ходить в клуб и сидеть на бревнах вместе со всеми, а он приходил сюда очень редко, потому что боялся Семки Петухова, который всегда попрекал Сережу непростителем происхождения.

– Вас, интеллигенция, как ни корми, вы все к капиталу смотрите, – говорил он, движением носа и бровей поправляя очки.

– Отец строит мост, – дрожащим голосом говорил Сережа.

– Смотри, как бы он его не взорвал, – говорил Семка Петухов.

Сережа пуще огня боялся таких разговоров. Оскорбительные для отца, они ранили мальчика очень глубоко. Но Семка был активист и говорил: «шамовка», а Сереже почему-то стыдно было говорить «шамовка», он чувствовал себя отсталым.

Когда в поселке заговорили о бандитах, Сережа этому даже обрадовался: настала пора показать, кто чего стоит. А потом убили Васю. До сих пор он несколько не интересовал Сережу, но теперь, убитый, не выходил из головы. Да и все ребята говорили о нем непрерывно: и чижа он бил лучше всех, и плавал дальше всех, а перед смертью сказал какие-то странные слова. Встречая на улице маленькую тихую женщину – мать Васю, Сережа забегал в первые попавшиеся ворота. Впрочем, она все равно никого не видела.

И тогда Сережа дал себе клятву бороться с бандитами не на жизнь, а на смерть. Уже не раз виделось ему, как они с отцом вдвоем отбиваются от банды или сам он спокойно выходит из темноты и направляет в растерявшихся бандитов свой револьвер. Револьвера у него, правда, пока еще не было, зато были глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать.

Дорога, которая шла в поселок со станции, вилась по полю, потом по мосту переползала речку Хрипанку и входила в еловый лес. Речка разлилась широким прудом, куда в жаркие дни собирались ребяташки не только из поселка, но и из ближайших деревень. Нередко здесь шла борьба – за удобные места, где к берегу подходил плотный песок, в особенности же за обладание корягой, величественно и равнодушно плававшей по водной глади. Это был низко срезанный и выкорчеванный пенек, корни которого распластались по воде. На ней могло плыть сразу несколько человек, с нее можно было прыгать – пусть с опасностью распороть живот о ее сучья. Словом, те, кому удавалось захватить корягу, старались уже не выпускать ее из рук, хотя бы им грозила гибель в холодной воде.

Однажды Сережа пришел на пруд. Был очень теплый вечер, солнце уже село, народу никого, вода в пруду была недвижна, и по этому розово-голубому зеркалу, как черный цветок, плыла коряга. Удача была редкая. Сбросив сандалии, Сережа по уже остывшему песку подошел к воде. «Как бульон», – подумал он и через минуту, мокрый, уже восседал на коряге.

Он сидел и думал о Борисе Федорове. Все последнее время он только и думал, что о Борисе Федорове. Ему нравилось простое Борисово лицо, нравилось, что тот ходит в сапогах, вообще все в нем нравилось.

Не сказав с ним еще ни единого слова, Сережа почему-то наделил его умом, бесстрашием и благородством. И не сомневался, что с приездом этого человека дела в поселке пойдут по-другому. Однако, пробыв здесь всего несколько дней, Федоров уехал, увезя с собой мать и совершенно не заботясь о судьбе поселковых обитателей; Сережа не мог этого ни понять, ни простить.

Только когда в воздухе заныли комары, мальчик решил, что пора на берег. Когда он, немного уже дрожа, натягивал липнувшие штаны, он неожиданно услышал голоса, причем чуть ли не первое слово, которое до него донеслось, было «Левка».

– Ничего, не бойся, – говорил один, – Левка ему покажет.

– Хотел бы я посмотреть, – откликнулся другой, нагибаясь и что-то делая на земле, – как он будет отвечать перед Левкой.

Эти двое просто проходили мимо и мирно разговаривали. Сережа замер. Даже перестал дышать. Подхватив сандалии и майку, накалывая ноги о сосновые шишки, стараясь идти совершенно бесшумно, двинулся он за этими людьми.

Все произошло очень просто: бандиты дошли до заброшенных корпусов, пустых кирпичных коробок, стоявших в лесу, – здесь когда-то начали строить больницу – и скрылись в черном проломе стены. Как в горячке шел Сережа домой. «Нашел, нашел», – думал он.

Недалеко от дома ему повстречался его товарищ Витька, как всегда снедаемый любопытством.

– Что так поздно? Откуда?

Сережа только пожал плечами и хотел было пройти мимо, но не удержался и сказал мрачно:

– Было дело под Полтавой.

– Серега, – умоляюще протянул Витька, – ну скажи...

Сережа ничего не ответил.

– Жадина-говядина, кривое колесо, – в сердцах сказал Витька и пошел домой.

Глава II

Прежний начальник розыска прославился тем, что, зайдя однажды в единственный городской кинематограф, срезал с экрана полотно и продал его на толкучке. Потом оказалось, что на дворе угрозыска каждую неделю устраивается нечто вроде аукциона по распродаже отнятых самогонных аппаратов мрачной толпе их бывших владельцев. Конфискованный самогон бесследно исчезал в недрах розыска. Сотрудники его вечно рыскали по частным столовым, магазинам и чайным в поисках съестного. Частники кормили их и посмеивались. Их это не удивляло. Да и никого не удивляло. В те годы в милицию и розыск нередко проникали не только непригодные люди, но и просто уголовники. Вот почему по всей стране тогда была объявлена чистка. Специальная комиссия обращалась к населению с воззваниями, убеждавшими сообщать о всех нарушениях законности.

«На дороге к лучшему будущему, – писала местная „Красная искра“, – лежат камни преткновения в виде позорных привычек проклятого прошлого. С ними мужественно борется наша красная милиция. Так пусть же она будет чиста, как кристалл. Товарищ! Помогите своей красной власти выявить недостойных! Не бойся! Приходи со всем, только не с пустыми разговорами!»

Начальник розыска был арестован, сотрудники его разогнаны и заменены другими. Тогда же по партийной мобилизации пришел в розыск и Денис Петрович Берестов.

Ему пришлось трудно, это вообще было трудное время для розыска – время банд и кулацких восстаний. Посоветоваться было не с кем. Водовозов, друг и заместитель Берестова, пришел сюда немногим позже и знал немногим больше своего начальника. Денис Петрович сел за литературу, какую только мог достать. Она не принесла ему утешения.

«Без регистрации и идентификации, – читал он, – по единому методу Гальтона и Рашера, без дактилоскопии и сингалетической фотографии, без словесного портрета по системе Бер-

тильона и справочников судимости – без всего этого борьба с преступностью это кустарничество, напрасная потеря сил, времени и средств».

«Дактилоскопия»! – думал он, вспоминая, что у них нет даже фотоаппарата. – Справочники судимости! Хорошо вам, у вас цивилизованные преступники, их пальцы отпечатаны во всех регистрационных бюро, их фотографии и словесные портреты разосланы по всем розыскам, их клички, почерки, шрамы – господи! – родинки, татуировки – все содержится в специальных реестрах, а привычки, профессиональные склонности и даже суеверия описаны в служебных справочниках.

А наши! За болотами, за буреломом, в кулацких селах многочисленные озверелые банды – сегодня они здесь, завтра рассыпались по деревням. Старые криминалисты и те ловят их годами. Что против таких руководства по уголовной технике! И все-таки Денис Петрович читал.

Каждое утро он чем-нибудь поражал Водовозова.

– Что такое система Бертильона?

– Про пальцы, – лениво отвечал Водовозов.

– Это всякий знает. А знаешь, что такое словесный портрет?

– Не, – еще более лениво отвечал Водовозов.

На следующий день разговор возобновлялся.

– Вот про пальцы ты знаешь. А про зубы ты знаешь? Смотри, что один старикан пишет: по следам зубов, оказывается, можно сделать слепок, а по слепку установить преступника.

– Если он кусается...

– А мундштук, а трубка, а хлеб? Учение, брат, свет, а неученье, знаешь, тьма.

Водовозов снисходительно улыбался.

После того как Борис побывал в розыске, видел Водовозова и Берестова, всех этих озабоченных людей, занятых важным делом и, казалось, отгороженных от остального мира каким-то магическим кругом, ему особенно захотелось вступить в этот круг. Но Берестов ничего ему толком не обещал, а только сказал: «Посмотрим», и Борис понял, что его станут проверять. Что же, правильно. И все-таки почему-то было обидно. По-видимому, Берестов понял его состояние.

– Чист как кристалл, – шутливо промолвил он на следующий день, – в укоме тебя даже похвалили. – И он внимательно посмотрел на Бориса.

Борис сейчас же понял и покраснел. Да нет, секретарь укома не хвалил, он просто сказал: «Сын такого отца...» Да и не проверял его, наверно, никто.

И вот вместо того, чтобы ловить плотву в заросшей осокой речке Хрипанке и пить холодное, с погребца молоко, Борис стал работать в угрозыске. В клубе под лестницей ему отвели комнатушку, две стены которой были дощатые, две – каменные, оштукатуренные, сохранившие еще следы церковной живописи. По крайней мере, над тем местом, где прислонялась Борисова подушка, была ясно видна босая нога какого-то угодника.

Собственно, жить здесь было невозможно, потому что все спектакли и собрания происходили в клубе. И уж менее всего можно было здесь спать. До поздней ночи пол дрожал от чечетки (как у них не ломило ноги от этой чечетки?!), синеглазники выкрикивали свою программу («Мы нашей синей блузой, нисколько не спеша, паршивых ваших Гамлетов задавим, как мышат»), произносил речь обвинитель на процессе частников, незаконно увеличивших рабочий день в своих мастерских, неслись какие-нибудь частушки:

*Не фуганит мой фуганок,
Не пилит моя пила.
Расскажу я, между прочим,*

Про поповские дела.

Борис получил старый «смит и вессон», которым безмерно гордился и который чистил каждый день, без всякой, впрочем, надобности, так как патронов к нему не было, и завел в розыске дружбу с веселым Рябчиковым. Этого белокурого паренька звали здесь то Рябчиком, то Курочкой Рябой, а не то и просто Рябой. От него Борис узнал, что Водовозов – это красота, что лучше Берестова людей на свете вообще не бывает, а женщина, работающая в розыске, не стоит ровным счетом ничего.

Оказалось, что она вообще не – пользовалась здесь никаким авторитетом, несмотря на строгий вид, военную гимнастерку и чеканную речь. Фамилия ее была Романовская, но в розыске ее почему-то, для обиды наверно, называли Кукушкиной, иногда с сомнительной торжественностью величая Кукушкиной-Романовской. До этого она работала в Петрограде (о чем все время старалась напомнить), а теперь была переведена сюда в розыск, по мнению Рябы, за ненадобностью. «Она влюблена в Водовозова, это всем известно», – сообщил Ряба.

Ряба был мастером на все руки, но настоящей его специальностью был самогон. В те годы это было настоящим бедствием. Пуды драгоценного зерна превращались в зловонную жидкость, которой деревня травила город и в которой захлебывалась сама. Чуть ли не каждый день к розыску подъезжала телега, доверху груженная ведрами, бидонами и аппаратами всех систем, – их Ряба тут же во дворе крушил колуном.

Кроме того, Ряба любил задавать вопросы.

– Вот представь себе, – говорил он, – представь себе, что ты – стрелочник, перевел ты однажды стрелку и видишь: в нее ногою твой друг попал, самый лучший, замечательный парень и герой. Ты видишь, как он старается вырвать ногу и не может. А поезд – вот он! Ну, что делать! Обратно перевести стрелку – поезд погиб, оставить так – налетит он, и от твоего друга... Что бы ты сделал? Ты бы перевел? Нет, ты скажи.

Или:

– Вот у одного писателя, говорили мне, такая постановка вопроса: если, говорит, для счастья всего человечества нужно пролить кровь трехлетнего ребенка, маленького, но одного, – ты бы пролил?

– Ряба, – молили его товарищи, – Курочка, не терзай душу! Никто не предлагает тебе ради спасения человечества убивать младенцев.

Однако Ряба серьезно тревожился:

– Но ведь могут быть такие случаи в жизни?

Борису он покровительствовал, а однажды даже взял с собою в губернский город, в губернский розыск. Ряба был здесь своим человеком.

– Куда тебя? – спросил он. – На барахолку или в оружейную палату?

Барахолкой называлась кладовая различных вещей, а оружейной палатой – склад отобранного у бандитов оружия. Здесь были тяжелые зловещие колуны и изящные стилеты, кавказские ножи в узорных мерцающих ножнах и голые мясные ножи, вызывающие дрожь (эти колуны и мясные ножи впервые заставили Бориса подумать, достаточно ли он подготовлен для такой работы, как розыск). Безобразные обрезы лежали здесь рядом с последним словом военной техники – кольтом и браунингом. Были и никогда не виданные еще Борисом орудия взлома – разные «фомки», от огромных кустарных до маленьких, точных и только что не никелированных.

– А хозяйку здешнюю ты видал?

Хозяйка – гордость угрозыска, огромная служебная овчарка, привезенная из далекого подмосковного питомника, – лежала на лавке в комнате дежурного. Она была породиста и равнодушна.

– Хороша?

– Страшна.

– Ты не ее бойся, – сказал Ряба, кося глазом на какого-то человека в очках, – ты вот этого дядю бойся.

В дяде не было ничего страшного, скорее унылое что-то. Впалая грудь, очки, усы.

– Сволочь?

Ряба только поднял брови.

– Морковин, – сказал он, понизив голос, – следователь транспортного трибунала.

– Подумаешь, какой-то транспортный трибунал!

– Ребенок.

Борис собрался было еще расспросить про следователя, но тут Ряба объявил, что ему, Борису, если он не хочет опоздать на поезд, – пора отправляться на вокзал. Рябе предстояли еще дела в городе. «Какие?» – спросил Борис. «Тайна», – ответил Ряба.

Поезд был переполнен. Люди, груженные мешками, после неудачных попыток сесть в вагон бежали вдоль поезда на подогнутых ногах. Состав вот-вот должен был отойти. Какая-то старушка топталась на перроне и, конечно, осталась бы, если бы не Борис, который молча подхватил ее и внес в первый вагон, где было несколько посвободней.

Вагон был маленький, с разбитыми стеклами, – пропахший острым запахом влажной грязи. В проходе сидели на вещах, с полок свешивались ноги. Борис вместе с бабушкой протиснулся к окну.

– А ну, – обратился он к какому-то парию, белобровому и губошлепому, – уступи место.

– Что ты, что ты, господь с тобой, – зашептала бабушка.

– С каких это радостей, – ответил парень и отвернулся к окну.

По составу прошел стук и скрежет, наконец толчком сдвинулся с места их вагон.

– Поехали, – объявил кто-то.

– Ты что, оглох? – тихо спросил Борис, чувствуя, что звереет.

Парень смотрел в окно, но по напряженному и невидящему взору его было ясно, что он весь поглощен столкновением.

– Не встанешь, – подыму.

– Да что ты, мне недалеко, – шептала старушка, дергая его за рукав.

Но Борис ее не слушал. В такой тесноте нелегко было поднять парня и толкнуть на его место старушку, – Борис сам чуть не упал на нее. Все ждали скандала и драки, но парень драться не полез, а сказал желчно:

– Небось был бы здесь комиссар, ты бы его за ворот не хватал.

– Еще бы. Комиссар сам бы уступил, – ответил Борис и прибавил примирительно: – Не видишь, человек пожилой, устал.

– Я, может, больше ее устал.

Усевшись, бабушка тотчас же стала домовито усаживаться; подтянула, подняв подбородок, концы белого платка и обратилась к Борису:

– Давай, батюшка, свой чемоданчик-то, – она похлопала себя по коленкам, – давай, чего зря держать.

– Да что вы, бабушка, не надо, у вас и так узелок.

– Положь, положь, – сказала она, покойно закрывая глаза, – положь, узелок сверху пойдет.

Борису пришлось отдать свой чемоданчик. Бабушка положила его себе на колени, сверху поставила узелок и совершенно исчезла за этим сооружением.

– Ты куда, старая беда, собралась? – спросил с полки какой-то мужик.

– К своим, – охотно ответила бабка, поднимая к нему лицо, – к невестке со внуком. Невестка у меня заболела, некому даже и обед сварить.

– Смелая ты, бабка, что в такое время одна на поездах едешь.

– Что ж поделаешь. Надоть ехать, я и еду. Вот гостинца везу.

– Отчаянная ты, бабка, – продолжал мужик. – А сама-то ты откуда?

«Вот привязался к бабушке», – подумал Борис, однако она была, видно, довольна разговором.

– Сейчас-то я из города. А так-то мы из Рязанской губернии, деревня Ежи. Наша деревня в лесу, мы ежи и есть, в самый лес забрались.

Она засмеялась тихонько, от этого вся засветившись, как зажегшийся во мху огонек, и снова спряталась за чемодан.

Поезд шел с многочисленными остановками, законными и незаконными. Правда, по сравнению с зимними поездками это была благодать: зимою то и дело приходилось выходить, чтобы отыскать дрова для топки или скалывать лед с обледеневшего за время стоянки паровоза.

– А у тебя, бабка, ноги-то ходят?

– У меня правая нога очень хорошо ходит.

– Этого мало, бабушка, если левая не ходит.

– Нет, левая не ходит.

Кругом все засмеялись, засветилась и бабушка. Она явно становилась душой общества. Только губошлепый парень, тая обиду, отвернулся к окну. Вагончик качало, стучали колеса.

– Интересно, в вашей деревне все ежи такие веселые?

– Все, сынок, все.

Она собралась выходить перед самым поселком.

– Постойте, бабушка, я вас сажал, я и высажу, – сказал Борис. – Далеко ли вам до дому?

– Да версты четыре.

Как только Борис поставил бабушку на землю, она тотчас же бойко пошла – делала шаг правой, а потом к ней приставляла левую.

– Как же вы этак четыре версты пройдете?

Она посмотрела на него серьезно и сосредоточенно, сделала шаг и приставила ногу.

– Буду иттить.

И снова сделала шаг и приставила ногу.

Поезд тронулся. «Ничего себе иттить», – подумал Борис, вскакивая на проезжающую мимо ступеньку и оглядываясь, чтобы посмотреть, как она идет. Она, казалось, совсем не двигалась с места, хотя и шагала очень энергично.

«А куда это она идет, – впервые подумал Борис, – в четырех верстах отсюда никакой деревни вроде нет. Неужели в поселок?»

У бабушки был такой замшелый вид, что Борису и в голову не пришло подозревать в ней поселковую жительницу. Он еще раз оглянулся, но уже нельзя было разглядеть не только людей, но и самого станционного здания.

Берестова в розыске не было, и никто не знал, где он. Зато все говорили о Водовозове, который вторые сутки шел за знаменитым бандитом и кулаком Тимофеем Сычовым. С Водовозовым был только один работник розыска.

– Сычов может к своим их завести, крышка тогда начальнику, – сказал кто-то.

– Ты что, Водовозова не знаешь, – отвечали ему, – будь спокоен, приведет твоего Сычова на веревочке.

– Я бы такими людьми зря не рисковал, – заметил бывший тут же Васильков. – Такие люди на дороге не валяются. Если поглядеть на него в масштабе, он есть мировой герой из его биографии.

– Незаменимых людей нет, – с отчаянной четкостью вдруг произнесла Кукушкина, и все сразу вспомнили, что она влюблена в Водовозова. – Если падет один, – продолжала она, – на его место станут десять.

– Один! Десять! – закричал Ряба. – «Незаменимых людей нет»! Каждый человек незаменим, если хотите знать. Если он как машинист заменим, так он, может, песни петь заменим, а если он как столяр заменим, так для матери своей он незаменим. И для жены.

– Я не о том, – недовольно сказала Кукушкина.

– Зато я о том самом, – ответил Ряба.

А Борис не находил себе места: кто заговорен от пули или удара ножа? Да и легко сказать – вдвоем взять таких молодцов, как Сычов и его банда!

Зазвонил телефон. Это Берестов просил Бориса прийти к нему домой. Борис удивился неожиданному приглашению и, конечно, тотчас же пошел.

Берестов жил в небольшом доме – у той самой Анны Федоровны, которая первой узнала о появлении Левки. Анна Федоровна и открыла Борису, окинув его быстрым взглядом.

В комнате Дениса Петровича сидела какая-то девица самого независимого вида.

– Знакомся, Борис, – не глядя на него, сказал Берестов. Он был мрачнее тучи.

Девица сидела, нога на ногу, в единственном кресле Анны Федоровны. Из глубины этого кресла она царственно кивнула Борису головой.

– Опять у нас с тобой, Боря, беда, – начал Берестов, – и опять на той же самой дороге.

«Господи! – подумал Борис. – Кто же на этот раз?!»

– Старушку они убили, – покачав головой, сказал Денис Петрович.

Ну конечно, Борис знал, что это будет она. Не успел еще Денис Петрович сказать и слова, как Борис представил себе ночь и лесную дорогу, по которой, приставляя левую ногу к правой, ползет бабушка. Двигаясь таким образом, она конечно же шла весь вечер и оказалась на дороге, когда ударил «Левкин комендантский час».

– Не знаю, что у нее было брать. Узелок при ней нашли, в нем четыре яйца и пять пряников.

– Ничего у нее, кроме этого узелка, не было, – хмуро сказал Борис, – ничего у нее не взяли.

«Буду иттить», – вспомнилось ему. Почему он не проводил ее?! Где она сейчас? В мертвецкой?

Вдруг он заметил, что девица внимательно и насмешливо изучает его лицо, видно совершенно равнодушная к судьбе бабушки. Ему стало неприятно. Он не любил своей предательски подвижной физиономии – ему нравились лица мужественные и суровые, бесстрастные северные лица – и поэтому принял сейчас же самый холодный и равнодушный вид. Девчонка от этого, кажется, еще больше повеселела.

– Видишь, как дело пошло, – продолжал Берестов, – я, мол, сказал, что по дороге никто не пройдет, значит, всё – никто не пройдет.

– Ну что ж, – мрачно заметил Борис, – он свое слово держит.

– Он-то держит. Я тебе сказал, что Елена Павловна будет у нас работать?

Борис позволил себе взглянуть на Елену Павловну.

Ей на вид было не более двадцати лет. Насмешливое лицо ее с длинными и узкими глазами казалось освещенным солнцем, а короткие светлые волосы волною, как вода, бежали ото лба.

Не успел он ответить Берестову, как раздался стук во входную дверь, послышались шаркающие и какие-то подбострастные шаги хозяйки, грохот засова и голоса. С величайшим облегчением Борис узнал голос Водовозова. Он быстро взглянул на Берестова, который ничего не сказал, а только весело подмигнул: знай, мол, наших, – Борису показалось, что он знаком с обоими много лет.

Водовозов был весь в засохшей болотной грязи.

– Ты вызывал меня, Денис Петрович?

– Да что ты, Паша, в самом деле. Послать ко мне не мог?

Все замолчали, ожидая, что расскажет Водовозов, но он ничего рассказывать не стал.

– Всё в порядке? – опросил Берестов.

– А как же, – лениво ответил Водовозов, – только этого дядю надо в губернию отправлять с большим конвоем. Ну зверь.

Он покачал головой и тяжело опустился на стул.

– Устал?

– Есть немного около того.

– Пошел бы спать.

– Да нет, посижу маленько.

Он слегка щурил воспаленные глаза. Борис искоса взглянул на Елену Павловну: «Может быть, вам угодно и над Водовозовым посмеяться – прошу вас, попробуйте».

– Ну, раз ты не хочешь спать, – сказал Берестов, – то давайте хоть закусим.

Он достал из шкафа бутылку водки и газетный сверток, на всю комнату запахший чесноком, когда его развернули: там лежал кусок колбасы. Это было невиданное угощение.

– Пир по случаю победы, – сказал Денис Петрович. – Пьете? – спросил он у Елены Павловны.

– Пью, – холодно сказала она.

Тут уж Борис чуть заметно, но все-таки заметно, улыбнулся. «Врешь ты, мать моя, – подумал он, – боишься ты ее, этой водки». Но Елена Павловна никакого внимания на его усмешку не обратила. Она решительно взяла рюмку и опрокинула в рот. Борис мог бы поклясться, что дух у нее захватил, а по позвоночнику прошла дрожь, однако лицо ее осталось бесстрастным, ничего не скажешь. «Вот идол», – подумал он.

– А ты? – спросил Денис Петрович Водовозова.

– Да нет, – ответил тот.

– Что так?

– Во хмелю я нехорош, – усмехнувшись, сказал Павел Михайлович.

– Что ж, давайте тогда обсудим план действий.

Однако с обсуждением им пришлось подождать – послышались шаги хозяйки.

– Спрячь колбасу, – лениво заметил Водовозов, – она на запах ползет.

Елена Павловна немедленно повернула свое кресло так, что оказалась совершенно скрытой за его высокой спинкой. В дверь просунулась голова Анны Федоровны.

– Приятно кушать, – пожелала она, улыбаясь (ну и челюсть!). – Самоварчика не нужно?

– Спасибо, – ответил Берестов, выжидая томительную паузу, не допуская Анну Федоровну продвинуться дальше. – Нам ничего не нужно.

Анна Федоровна скрылась, шаги ее затихли.

– А, ч-ч-чертова баба! – сказал Водовозов. – Брось ты, Денис Петрович, эту квартиру. Точно тебе говорю.

– Что она может знать? Здесь ничего не слышно, я сам проверял. Итак, план действий... Положение в поселке стало нетерпимым. Бандиты держат его в руках, словно никакой советской власти и на свете нет.

Они не оставили улики. Конечно, рано или поздно они их оставят, однако это может произойти не рано, а поздно. Словом: у нас нет пока ни единой нити. Столб был украден со двора у дяди Сени, председателя поссовета. Эта самая тетя Паша держится – не подступись. Наездник Нестеров – таинственная личность, оказывается, работает спецом-кавалеристом. Осторожен и хитер. Наблюдения за ними не дали пока ничего. А главное – ничего не дала наша засада на дороге.

И вдруг заговорила Елена Павловна:

– Но ведь ваших ребят в поселке каждая собака знает. Эдак можно целый месяц сидеть.

– А как им было знать, когда они приходят, а когда нет.

– Да их хотя бы на станции узнают.

– Они не мальчики – со станции приходить, – хмуро заметил Борис и взглянул на Водовозова.

Тот кивнул.

«Видите, Елена Павловна, мне, а не вам кивнул Водовозов, со мной он, а не с вами».

– Я знаю ваш план, Елена Павловна, – вступил Берестов, – и сейчас расскажу о нем товарищам. Елена Павловна предлагает...

– Это не я предлагаю, – быстро сказала Елена Павловна, – это губрозыск предлагает.

Положительно, эта девушка нравилась Борису все меньше и меньше.

– Губрозыск или нет, – улыбаясь заговорил Берестов, – только я хорошо вижу, что этот план вам очень хочется осуществить. Вот, товарищи, этот план. Леночка сама хочет пройти ночью по дороге с узлами-чемоданами, переодетая и, конечно, вооруженная. Бандиты ее, конечно, остановят, и она сможет их задержать. Леночка считает это самым разумным, поскольку ее никто не знает не только в поселке, но и во всем городе. Расчет ее построен на том, что бандиты ночью никогда не стреляют, но действуют ножом. Следовательно, на ее стороне преимущество неожиданности и огнестрельного оружия. Одинокая девушка на дороге, приезжая, не вызовет подозрений. Таков план Леночки.

– Только условие, – так же быстро сказала Леночка, – никаких засад в мою пользу. Я должна пройти одна.

У Бориса этот план вызвал раздражение.

– Что же вы собираетесь делать?

– Уж что-нибудь, наверно, сделаю. Если их будет немного, один-двое, – задержу. Если побольше – во всяком случае, увижу в лицо. Если надо – буду стрелять. В тот раз у Камышовки мне стрелять не пришлось.

«Ого», – подумал Борис. Ему, конечно, очень бы хотелось знать, что произошло «в тот раз у Камышовки», но он не спросил, чтобы не потерять достоинства.

– А если их будет трое?

– А по трое они не ходят. Особенно теперь, когда им нечего бояться.

Это было уже прямое оскорбление.

– Они убьют вас.

– Как-нибудь!

– Ну, Денис Петрович, я пошел, – сказал вдруг Водовозов.

Он поднялся, и все невольно загляделись на то, как красиво и статно выпрямляется его фигура, как отходят назад плечи, как ровно становятся ноги в грязных сапогах.

Борис покосился на Леночку. Та тоже смотрела на Водовозова с явным одобрением.

– А что касается ваших планов, – продолжал Водовозов, озираясь в поисках кепки, – то ты не серчай, Денис Петрович, только все это детские игрушки.

– А бабушка, убитая на дороге, – это тоже детские игрушки? – весело спросила Леночка.

Водовозов взглянул на нее с высоты своего саженного роста.

– Что – бабушка. Бабушке все одно помирать пора была, а вот вы, наверно, и двадцати годов не прожили.

– С вашего разрешения, – холодно ответила Леночка, – мне двадцать три года. Да вы не волнуйтесь: вашей славы у вас никто не отнимет.

– Моей славы? – усмехнувшись, переспросил Водовозов. – Ну, Денис Петрович, я пошел. Может, я чего здесь в ваших планах и не понял – может быть. Я сегодня что-то плохо соображаю, да и глаза не глядят.

– Ты ошибаешься, Пашка, – улыбаясь, ответил Берестов, – Леночкин план – это не мой план. Я против него возражал и возражаю сейчас. На нем настаивает губерния, а не я.

– Гляди, – проговорил Водовозов и вышел.

Елена Павловна повернулась к Берестову.

– Посмотрим, – отвечая ее движению, сказал Денис Петрович. – Я надеюсь, что мы обойдемся без таких крайних мер. А пока прошу Бориса самым подробным образом познакомить вас с положением дел, с местностью и все прочее. Это, во всяком случае, пригодится. Борис, пойдем, выведем Леночку, ее никто не должен видеть с нами, поэтому проследи хорошенько, чтобы ни во дворе, ни на улице никого не было, а я пойду к хозяйке. Вам, ребята, в связи с этим делом придется видаться очень часто. Не фыркайте друг на друга. И смотрите, чтобы вместе вас никто и никогда не видал.

«Нет, этого я вам не прошу, – думал Борис, возвращаясь от Берестова, – бабки я вам не прошу». Он шел домой – в свою комнатуху в клубе.

Здесь только что кончилась репетиция драмкружка, бегали розовые девчонки в галифе и с нарисованными усами.

По сцене двигалось какое-то странное существо – девушка, почти девочка, босоногая, одетая в какую-то разноцветную хламиду, с голыми по плечи тонкими руками. Она путалась в хламиде, наступала на края, чуть не падала, смеялась, сама с собою разговаривала и, казалось, была счастлива, как бывает счастлив ребенок от праздничного переодевания.

Покорный судьбе, Борис запер дверь и начал было стаскивать гимнастерку, когда к нему постучали.

В дверях стоял незнакомый ему высокий человек самого странного вида: узкое оливковое лицо, длинные седые волосы, глухое пальто и трость, богато украшенная серебром.

– Гм. Благолепие, – произнес он, ткнув тростью в босую ногу на стене. – Остались от козлика рожки да ножки. Впрочем, это вполне в духе эпохи. У вас есть хлеб?

– Полбулки, – кратко ответил Борис.

– А у меня... – незнакомец бережно вынул и стал осторожно разворачивать тряпичный узелок, в котором, весь в полосах и складках, лежал комочек творогу, – вот...

Он поднял на Бориса приветливый взгляд. Творог – это была вещь. Старик разделил его поровну, подумал немного, отбавил от Борисовой части и прибавил себе – немножко.

– Мой юный друг, – продолжал он, пока они, сидя на Борисовой койке, закусывали хлебом и творогом, – позвольте называть вас так – несколько старомодно, но ведь и сам я достаточно старомоден, да и порядком стар (он сделал паузу, видно, чтобы дать Борису возможность возразить, но Борис упустил эту возможность). Так вот, мой юный друг, монахи некогда думали, что плоть – это зло, и что ее нужно умерщвлять, дабы побороть. Как они заблуждались! Уверяю вас, с плотью можно бороться, только удовлетворяя ее, иначе она вас сожрет. Вот, возьмите – еда. Ежели вы поели, вы о ней совершенно не думаете, и дух ваш готов воспарить. Ежели вы голодны... Я глубоко убежден, что святые отшельники в своих кельях думали только о шипящих отбивных, об утках, вспухших, истекающих жиром, о салатах и о сардинах в нежном золотом масле. Быть может, просто о яичнице с салом. Да, просто о яичнице с салом, только чтобы на всю сковороду.

– Пожалуй, творогу было мало, – заметил Борис.

– Мало, – улыбаясь согласился гость. – Не буду вам мешать. Просто кончилась репетиция пьесы, которую я (помогаю ставить. Кстати, вы не можете найти мне Афины Палладу?

«Это же, наверно, Асмодей! – подумал Борис. – Конечно же это он».

Асмодей был театральным обозревателем «Красной искры». Его обозрения, помещаемые между списком задержанных самогонщиков (под рубрикой «Знайте, это враги народа!») и корреспонденцией селькоров («В деревне Горловке распоясался поп») были исполнены чувства, эрудиции и воспоминаний об актерах императорских театров. Асмодей! Еще недавно в розыске зашел разговор о том, что значит это слово, и Ряба сказал: «Я знаю, это жук».

– Понимаете, – продолжал Асмодей, – по рекомендации Пролеткульта мы ставим одну из драм Эсхила (вот никогда не думал, что буду ставить Эсхила с прядильщицами и ткачихами!),

все роли у нас заняты, а богиню Афины найти не можем. Пожалуйста, если у вас кто-нибудь найдется, не откажите в любезности.

Оставшись один, Борис разделся и лег. Как только он закрыл глаза, перед ним появились сразу все: и Леночка, царственно сидящая в кресле, и Водовозов в грязных сапогах, и диковинный Асмодей с серебряной тростью. Они сменяли друг друга, и каждого Борис подолгу рассматривал, пока не понял, что цепляется за них, лишь бы не видеть глухого леса и пустынной дороги, по которой идет бабушка.

Но пришло утро, а с ним и радостная весть: Борис идет в засаду, да еще вдвоем с самим Водовозовым. Это было первое дело, порученное Борису, и он весь день разбирал и чистил свой «смит и vesson», из которого по-прежнему не сделал ни одного выстрела. Однако сегодня он получил четыре патрона.

Они соскочили на ходу с поезда (Борис был рад, что прыгнул ловко, не хуже, чем Павел Михайлович), пошли вдоль насыпи. Уже смеркалось, когда они перешли вброд речку Хрипанку, весело выбегавшую по камешкам из-под арки железнодорожного моста, а когда добрались до плотины, стало совсем темно.

Плотина шумела угрюмо и глухо. В детстве Борис не раз лазил с мальчишками вниз, в темноту и сырость, где меж осклизлых камней толстая струя, крутая и стеклянная, падала в бешено взбитую белую пену. Уже и тогда плотина казалась ему зловещей.

Потом они шли вдоль пруда. Водовозов молчал; конечно, молчал и Борис. Проходя мимо прибрежного ивняка, Павел Михайлович вдруг приостановился, тихо положил руку на Борисово плечо и сказал едва слышно:

– Здесь он вошел в воду.

Значит, в эту самую черную воду вчера вошел убийца. Наверно, он брел по поясу, – может быть плыл: проводник, ведущий на сворке собаку, долго бежал вдоль реки, но собака нигде не взяла следа – ни на том, ни на другом берегу. Борис стоял, взволнованный этой близостью врага, да и рукой Водовозова на своем плече. «Ну берегитесь, сволочи, сейчас мы вам покажем», – радостно подумал он.

В лесу было совсем темно, и все-таки овраг, по краю которого они пробирались, был еще темнее.

В него, волоча по земле тяжелые ветви, одна за другою спускались ели, а внизу, в глубокой черноте рассыпаны были огни светляков, и их было так много, что казалось, настоящее небо – в зеленых звездах – было там, внизу, а не над деревьями. Лес остывал.

Они были у дороги точно в назначенный час, незадолго до последнего поезда: по расчетам Водовозова, именно в это время должны были выходить на дорогу и бандиты. Долго стоял Борис рядом с Павлом Михайловичем, напряженно прислушиваясь. Трудно сказать, к чему он больше прислушивался – к тишине или Водовозову. Он слышал рядом дыхание Павла Михайловича и дорого бы дал, чтобы знать, о чем тот думает, стоя в темноте.

Слышно было, как прошел поезд. Где-то очень далеко лаяла собака, но и она умолкла. Время от времени Борис закрывал глаза, чтобы не видеть этой слепящей темноты, и только вслушивался. Наконец начался шум, быстро нарастающий, томительный и странный. Впрочем, это оказался комар, первый из многих, почуявших добычу. Борис и Водовозов осторожно давили их на себе.

Наконец послышались шаги – со стороны станции кто-то шел. Борис не столько увидел, сколько почувствовал, как Водовозов предостерегающе поднял руку. Ох, как томительно долго звучали эти шаги, хотя человек шел как будто довольно быстро. Наконец он поравнялся с деревом, за которым они стояли. Борис вглядывался до боли в глазах, но не мог разглядеть едва черневшую фигуру.

Неожиданно незнакомец остановился и закурил. Спичка осветила руки, слегка дрожащие, и спокойное строгое лицо, а вслед за этим наступила такая темнота, что совершенно уже не видно было человека, который, судя по шагам, двинулся дальше.

Едва тронув Бориса за плечо, Водовозов пошел следом. По осторожному шороху Борис понял, что тот достает пистолет, и понял также, что они сейчас охраняют этого одинокого путника. Потом спохватился и вынул собственный «смит и vesson».

Однако стрелять им не пришлось, так как больше уже в эту ночь никаких событий не произошло. Путник, держась боковой затененной дорожки, беспрепятственно дошел до поселка, а Борис с Водовозовым, проторчав на дороге еще часа три, к утру вернулись домой.

– Ты знаешь, кто это такой? – спросил Павел Михайлович дорогой. – Он из поселка?

– Конечно. Это инженер Дохтуров.

– Смелый парень, – заметил Водовозов.

Больше они не разговаривали до самого города.

– Ничего, – сказал Водовозов, когда показались первые городские дома. – Пойдем еще раз.

Однако ни во вторую ночь, ни в третью, ни в шестую они не встретили на дороге никого. А вот в пятую ночь на этой дороге ограбили человека, шедшего мимо поселка в одну из деревень.

Глава III

Утром в розыске было шумно – Ряба задавал вопросы:

– Вот, предположим, попал ты в плен, и там отпустили тебя под честное слово. Должен ты его потом держать?

– Боже мой, конечно нет, – сказала Кукушкина.

– Дали вы слово, – не обращая на нее внимания, продолжал Ряба, – ну, например, прекратить борьбу. Сложить оружие. И вас по этому слову отпустили. Должны вы его держать?

– Должен, – сказал Водовозов.

– Так они же палачи! – горячо возразил Ряба (он не любил простых ответов). – Они же зверье. Твоя святая обязанность бороться с ними, ну, скажем, для счастья человечества.

– Пусть они негодяи, но слово-то ведь не они давали, а ты. Слово-то твое. Иначе чего оно тогда вообще стоит?

– Что же, выходит, бросать борьбу? А если человек не может этого сделать, если он, как комсомолец, как партиец, должен ее продолжать? Что ему делать?

– Тогда уж лучше стреляйся, – возразил Водовозов, – сделай все, что мог для революции, для партии, для товарищей – и стреляйся!

– Больно вы хитренький, – обиженно сказал Ряба, – стреляться.

– Ну как хочешь, – улыбнувшись, ответил Водовозов.

Борису сегодня предстояло встретиться с Леночкой. Он не очень стремился к этой встрече, но все-таки было интересно.

– Идешь на свидание, жених? – спросил его Водовозов, когда они остались одни.

– Приходится.

– Занозистая девица, – непроницаемо глядя на него, продолжал Водовозов, – деловая. Это тебе не Кукушкина-Романовская.

– Да, это не Кукушкина, – ответил Борис, не спуская с него глаз.

– Вот возьми ты эту Кукушкину, – продолжал Павел Михайлович, лениво заваливаясь на стол, за которым сидел, и подпирая голову рукою, – вот ведь пройдет время, и станет она всем рассказывать: в героические годы революции и гражданской войны я, мол, работала в розыске. И даже документы представит. И не будет в тех документах сказано, что тот самый розыск не чаял, как бы ему избавиться от того самого товарища Кукушкиной-Романовской. Ну, не буду тебя задерживать, ступай.

«Ох, что-то здесь не так, – думал Борис, уходя, – ох, сдается, что вам, Павел Михайлович, куда больше, чем мне, охота пойти на это свидание».

Убедившись, что за ним никто не следит, Борис направился к старому заброшенному парку, где у него было назначено свидание, однако не успел он выйти из города, как хлынул дождь.

Это был веселый летний ливень. Тугие светлые струи, как прутья, врезались в землю и здесь взбухали пеною. И кругом все сразу оделось в пену, стало серым и туманным, серые кусты металась и бились под ветром. Вода быстро наполнила колеи и колдобины, в которых весело толкались струи, разлилась широкими лужами, казалось плясавшими под дождем. Все было в его власти, беззаботного, доброго седого дождя. И тут сбоку, одним глазом выглянуло солнце. Ух, как все вспыхнуло, задрожало, заискрилось! Какими огнями зажглась водяная пыль!

Дождь перестал так же внезапно, как и начался. От него все кругом устало, – Борису показалось, что он и сам устал.

В пустынном парке, куда, как в святилище, заглядывало вечернее солнце, трава стояла по горло в воде, листья на деревьях переливались мокрым глянцем, земля на дорожках была темной и плотной.

«Интересно, придет она или нет?»

Ну конечно, не такой человек была Елена Павловна, чтобы не прийти из-за дождя. Она сидела на черной сырой скамейке, подложив под себя свернутую куртку.

– Вот это да! – еще издали крикнул ей Борис. – Что же, вы так и сидели под дождем?

Она смотрела на него, не отвечая.

– Ты уже знаешь? – спросила она. – Не знаешь, нет? Восстали рабочие Гамбурга.

Так началось их знакомство. Забыв обо всем на свете, они обсуждали гамбургское восстание, в котором без тени сомнений видели начало мировой революции. Мировой революции! Ах, теперь держись, покатится по всему земному шару!

Прошло не менее часу, пока они перешли к поселковым делам.

Пробежал ветерок, и бузина, под которой они сидели, сбросила на них свои капли. Леночка не обратила на это никакого внимания. Она курила, затягиваясь и щуря без того узкие глаза, так что ресницы их смыкались. Держалась она по-прежнему в высшей степени независимо, но была уже чем-то не та, какой он увидел ее у Берестова.

– Знакомилась я с этим вашим делом, – начала она, – странное это дело. Ну хорошо: в поселке все молчат, люди запуганы, понятно. Наблюдения за домом тети Паши не дали ничего. Собака никого не нашла, следы привели к пруду. Пускай. Вы выходите в засаду – все тихо. И это ладно. Но почему все это так совпадает?

– Ну уж мы с Водовозовым сидели в засадах на совесть.

– И всякий раз преступление совершалось в ту ночь, когда вас не было. Тебе не приходило это в голову?

– Как ты думаешь!

– Впрочем, может, это и совпадение. Да и Левка, надо отдать ему справедливость, парень хитрый. Давай лучше займемся делом.

Борис стал подробно рассказывать план поселка, расположение пруда, повороты дороги, места, где, по рассказам жителей, обычно нападали бандиты.

– А ты не боишься, что тебя убьют? – серьезно спросил он.

– Слушай, – вдруг с яростью сказала Ленка, – ты вчерашнюю газету видал, вашу обыкновенную «Красную искру»? Список «погибших от рук буржуазии» там видал? Сколько там нашего брата, комсомолок? А ведь они на пулеметный огонь шли, это тебе не лесная прогулочка! Или ты думаешь, на продналоге в кулацких селах было веселее? Или, может, в Гамбурге сейчас безопаснее? Так что же вы, прах вас побери! (до чего же замечательно получилось у нее это «прах вас побери!») клохчете надо мной, как куры! Мне, может, и опасности не грозит никакой. Стыдно, честное слово!

– Так то был фронт...

– Ах, фронт! А это вам не фронт! Ты можешь ходить по земле, где убивают детей? Ну и прекрасно! А я не могу! Нет, – продолжала она, успокаиваясь, – я не боюсь, что меня убьют. Гораздо больше я боюсь, что не встречу на дороге никого, кроме милиционера Василькова.

– Ну, милиционера Василькова на этой дороге ты и среди бела дня не увидишь. Мы с тобой еще встретимся?

– Да. На той же скамейке и в то же время.

Ох, она отчеканила это, как товарищ Кукушкина-Романовская!

Много раз встречались они в старом парке и говорили совсем не о поселковых делах. Ленка рассказала, что у нее беда: отец, узнав, что она вступила в комсомол, отказался считать ее дочерью, а когда она переехала к тетке, чуть с ума не сошел от горя. А уж когда она пошла на работу в розыск...

– В общем, карусель, – сказала Ленка грустно. – Ну как ему объяснить, что такого, как в нашей стране, никогда еще не было в мире и что я не могу – ну что хотите, не могу – стоять в стороне.

Доводилось им и яростно спорить, пришло время и оплакивать восстание в Гамбурге. К лишениям Ленка относилась равнодушно.

– Успеем, как говорится, наесться при коммунизме. Хочешь семечек?

– А тебе?

– У меня полон карман. Хозяин угостил.

Они подолгу засиживались теперь в старом парке. В тот вечер они были уже у выхода, когда Борис вдруг остановился.

– А тебе тогда здорово противно было водку пить?

– О, будь она проклята, я думала – умру.

– Ты ужасная хвальбушка, между прочим.

– Есть немного, – ответила Ленка.

Борис рассмеялся, взял ее под руку и повел обратно, к скамейке под бузиной.

– Терпеть не могу бузины, – сказала она, садясь, – с детства.

– Это еще почему?

– Во-первых, ее нельзя есть.

– А во-вторых?

– А во-вторых, как только ее ягоды покраснеют, кажется, что уже наступила осень, когда на самом деле еще лето.

– А эту бузину?

– Это другое дело.

Борис так обрадовался ее ответу, что на радостях задал ей тот вопрос, который тревожил его все последнее время.

– Леночка, тебе нравится Водовозов?

– Водовозов? – Ленка подняла брови. – Он был у меня вчера.

– Где?!

– У меня дома. Там, где я обосновалась.

– Но ведь это неосторожно! Нам не разрешается к тебе приходить.

– Он человек опытный.

– Но зачем же он приходил?

– Уговаривать, чтобы отказалась от своего плана. Да еще как уговаривал!

– И что ты ему ответила?

– Сказала, что подумаю.

– И ты в самом деле хочешь подумать?

– Нет.

Борис задумался.

– А ты знаешь, Ленка, он в тебя влюблен, – сказал он, поднимая голову.

– Не знаю, – ответила она. – Просто он не хочет, чтобы я шла.

– Денис разрешит тебе, как ты думаешь?

– Если он не разрешит, это будет преступление. Ты же сам видишь: дело сложилось так, что нужно рискнуть, тем более что и риск-то не очень велик, по правде сказать. Подумай, если мы задержим кого-нибудь из них на месте – ведь это всё.

– Ты не ответила на мой вопрос – нравится тебе Водовозов?

– Водовозов? – повторила она беспечно и пожала плечами.

– Он ведь красавец, правда? – с горячностью (и тревогой в душе) продолжал Борис. – И потом, видела бы ты его на деле, он весь как стальной.

– А кто тебе сказал, что я люблю стальных?

– Что ты ни говори, – неизвестно зачем настаивал Борис, – а Денис ему сильно уступает. Вечно он колеблется, вечно сомневается.

– А кто тебе сказал, что я люблю людей, которые не сомневаются? – еще суше сказала она. – Денис очень хороший человек.

– Только вот воля у него не та.

– Воля? – она встала. – Знаешь, я думаю, что самый волевой из нас это Левка. Пошли по домам.

Нехотя поплелся за нею Борис, не понимая, почему все стало так плохо.

– Впрочем, он и в самом деле красивый, твой Водовозов, – сказала Ленка, когда они прощались. – И даже очень.

Правда, они встретились на следующий день, но опять поссорились, на этот раз из-за нэпа. Борис не мог с ним примириться, а Ленка его приветствовала.

– Конечно, не так это просто, – говорила она. – Иду я вчера мимо вашего магазина, купца Кутакова, или как там его, и вижу: здоровенные молодцы, краснорожие и потные, таскают мешки и ящики. Так бы и крикнула: «Эй, бабы голодные с ребятишками, давай налетай, кому сколько нужно!» Но этого нельзя.

– А по-моему, так лучше лапти жрать, – сказал Борис, – только бы не идти на уступки буржуазии.

– Кто как считает. Другие говорят – обрастут буржуи жирком, а мы с них этот жирок и срежем.

Борис почему-то насторожился, хотя сама по себе эта мысль была не нова и возражений у него не вызывала.

– Кто это так говорит?

– Ну хотя бы Водовозов.

– Ты что же, опять с ним виделась?

– Это к делу не относится.

В тоске Борис вернулся домой в тот вечер. «Что же здесь удивительного, – думал он, – Водовозов. Мимо такого не пройдешь. Надо забыть все, пока не поздно. Дали тебе поручение – выполняй. Недаром говорят, что любовь мешает выполнять долг». Но забыть он уже не мог.

Наутро настроение его немного улучшил Берестов.

– Ну, Борис, – сказал он, – пойдешь в родные леса. В поселке выследили бандитов – может быть, они обосновались в одном из старых корпусов. Знаешь такие? Поведешь наших сегодня ночью. Пойдете с Водовозовым.

В ту ночь Сережа не спал. Отец сообщил в розыск о корпусах – значит, сотрудники розыска будут сегодня ночью в лесу, а может быть, уже идут там один за другим в темноте. Сережа быстро оделся и вылез в окно. «Пойду без дороги, – подумал он, – все равно они меня не увидят – ни те, ни эти».

Он гордился собой, пока шел лесом: весь поселок дрожит перед бандитами; Борис Федоров, большой мужчина в сапогах, бежал из поселка; он, один только он выслеживает их ночью по лесам. Но стоило Сереже подойти к оврагу, как все эти бодрые мысли исчезли неизвестно куда – овраг был замогильно черен, из-под кустов кто-то смотрел, сыростью дышала глубина. Не повернуть ли назад? Ведь никто его сюда не посылал, никто не узнает об его отступлении. Однако, держась за кусты, он спустился в сырую темноту.

Пожалуй, это было и не так страшно, гораздо страшнее стало наверху, на освещенной луною просеке: впереди, близ тропинки, поджидал его человек.

Сомнений быть не могло: он стоял и ждал Сережу.

«Что делать? – думал Сережа, продвигаясь вперед только потому, что боялся бежать назад. – Отступить в лес? Нет, теперь уже поздно. И почему он так недвижим?»

Страшная мысль пришла ему в голову – такая страшная, что от нее ослабели ноги: живой так недвижно стоять не может.

Однако это был всего-навсего столб, невысокий и полусгнивший. Теперь Сережа ясно видел, что это столб, и все-таки ему страшно, было проходить мимо и позволить этому столбу оказаться у него за спиной. Он не удивился бы, если бы столб этот двинулся следом.

Словом, он был почти рад, когда подошел к корпусам, хотя именно здесь и была настоящая опасность. Вот они, корпуса. Черные коробки. Тишина. «Может быть, все уже кончено, – подумал Сережа, – а может быть, ничего сегодня и не будет?» Он сел по-турецки в кустах на колючие ветки и стал ждать. «Уж обратно я мимо этого столба не пойду», – думал он.

Шагов он не слышал, а просто почувствовал людей. Потом увидел нескольких человек, которые бесшумно подходили к тому самому корпусу, где укрывались бандиты. Забыв собственные тревоги, Сережа замер от страха за них, от гордости, что идут они по указанному им следу, и от счастья: впереди с револьвером в руке, очень серьезный шел Борис Федоров. Светила ярко луна, и Сережа хорошо все разглядел.

«Только бы не его, – молил Сережа, – если убьют, только бы не его!» Однако первым, шагнув вперед и загородив собою Бориса, вошел саженого роста человек, и Сережа был ему за это благодарен.

Он знал: ночь сейчас взорвется выстрелами, криками, проклятиями, быть может, предсмертными стонами.

Шло время. Он ждал очень долго. Быть может, час. В окнах корпуса заметался луч фонарика, однако все было тихо.

Наконец послышались негромкие голоса, и из черной дверной дырки один за другим стали выходить работники розыска. Они действительно нашли следы жилья – консервные банки, обрывки газеты (одна из них была даже позавчерашней), но только следы. Жилье было брошено.

На следующий день они снова собрались у Берестова.

– Чего, собственно, мы ждем? – спросила Ленка.

– Я, к примеру, жду, когда вы одумаетесь, – сказал Водовозов.

– Я бы, может, и одумалась бы, – быстро ответила Ленка, – если бы вы удосужились тех бандитов поймать. Мне никакой радости нет таскаться ночами по бандитским дорогам.

– А без вас, видать, ну никак не поймают?

– Да, видно, никак.

Павел Михайлович начал буро краснеть.

– Ничего, – примирительно продолжала Ленка, – вы пойдите, посидите в засаде. Недельку-другую. От этого куда как много бывает пользы. Только уж безвыходно. А то как вы куда отлучитесь, так они сейчас кого-нибудь и убьют.

– Да что вы из него душу вынимаете, Леночка, – посмеиваясь, вмешался Денис Петрович, – можно подумать, что у вас у самой только одни удачи и бывали.

Борис не спускал с них глаз – с Ленки и Водовозова. «Что здесь происходит? – думал он. – Почему она так на него взъелась? Почему он, всегда такой спокойный, поддается и сердится? Видно, не меньше моего боится, что Денис сегодня назначит день».

Однако Денис Петрович дня не назначил. Ему вся эта затея была неприятна, он тянул. А когда позвонили из губрозыска и спросили, как идут дела, он всячески старался доказать рискованность и даже невыполнимость этого плана.

– Э, Денис Петрович, – ответили ему, – не понимаешь ты, с кем дело имеешь. Это же, можно сказать, восходящая звезда. Если бы ты видел этого сотрудника в деле, если бы ты знал стиль его работы... У нас здесь все влюблены в него.

«Этому я охотно верю, – подумал Берестов, – у нас, кажется, скоро будет та же самая ситуация».

– Слышишь, – обратился он к сидящему тут же Водовозову, мигнув на трубку, – восходящая звезда, говорит.

Павел Михайлович ничего не ответил, только нахмурился.

– Кстати, Денис Петрович, – сказал он, помолчав, – очень тебя прошу, брось свою квартиру. Я последнее время присматриваю за твоей хозяйкой – дрянь баба, с каким-то сбродом якшается. Ряба говорит, что у него брат уехал, комната освободилась. Переезжай к нему.

«Восходящая звезда» снимала комнату в маленьком домике на окраине города и в самом городе старалась не показываться. Эти дни редкого при ее профессии отдыха доставляли ей большое удовольствие. Прихватив с собой ветхое хозяйское одеяльце и книгу, она отправлялась за огород, пахнувший укропом и звенящий шмелями, располагалась на полянке под деревом и валялась здесь почти целый день. Никто к ней (если не считать Водовозова) не приходил, никто, кроме Берестова, Бориса и Водовозова, не знал о ее присутствии в городе. Она не читала, а просто валялась в траве на краю огорода у огуречной грядки. Ей были видны маленькие мохнатые огурцы, лежащие на земле под широкими листьями; разогретые солнцем, они остро пахли. Ленка закрывала глаза, в них плыли яркие пятна, а мысли шли лениво и легко растекались вместе с этими пятнами. Кругом все жужжало и звенело, словно это был не огород, а полная жуков нагретая стеклянная банка.

Ленка не думала о предстоящей операции: что о ней думать, – придет время, и она сделает все, что будет надобно. Она вспомнила о Берестове, Водовозове, Борисе. «Волнуются», – она улыбнулась, перекатилась на спину и сквозь цветные радужные ресницы стала смотреть в небо. Пожалуй, ей было приятно, что за нее волнуются. Потом вспомнила, как «вынимала душу» из Водовозова, и рассмеялась. «Как они меня еще терпят, – подумала она. – Конечно же им, мужчинам, трудно решиться на эту операцию, много труднее, чем мне. Ведь я-то пойду, а они-то останутся... Какие все трое разные и какие славные – эти не подведут. Ничего, мы тоже не подведем, мы тоже неплохие люди».

Ей вдруг захотелось немедленно приняться за дело.

И очень захотелось есть. Почему-то так всегда с ней бывало: когда предстояло какое-нибудь интересное дело, на нее нападал волчий аппетит. А с едой как раз было неважно: в городскую столовую она являться не решалась, в титовскую чайную и подавно, да на нее и не хватило бы денег; запасы провизии из «губернии» кончились, хотя Берестову она наврала, сказав, что их еще на неделю. Выходить не стоило.

Но, впрочем, и голодать тоже не стоило.

Ленка все-таки вышла. На улице было жарко – казалось, идешь по южному городу с его зеленью и слепящей белой пылью. Народу было мало, только какие-то допотопные дамы выползли под зонтиками, сборчатыми, как юбки.

Зато на площади было почему-толюдно, слышался какой-то одинокий митинговый голос. Ленка остановилась. На большом ящике, заменявшем трибуну, стояла женщина в очень красном, как на плакате, платочке.

– Ведь там маленькие, бабы, ведь мал мала меньше, – кричала она, показывая ладонью от земли, до чего маленькие, – а какие страсти терпят, что переживают. Бабы! Неужели не поможем? Я вот про себя скажу: у меня у самой дома трое пищат, не одеты, не обуты, но у них мамка да тятка есть и крыша над головой есть, на них стены не рушатся, земля под ними не качается. В каком аду живут люди! Ведь это ад!

– О чем это? – спросила Ленка.

– Землетрясение в Японии, – ответили ей.

На площади стояли почти одни женщины, работницы с фабрики, на многих были платья из одной и той же материи – неопределенного цвета ситец, по которому разбросаны маленькие черные заводы с трубой и дымом из трубы. Такой идеологически выдержанный ситец недавно выпустила местная фабрика, и другой материи в городе не было (даже Ленка купила себе кусок на кофту, старая ее дышала на ладан).

Женщины слушали очень внимательно. Казалось, они видят в этот миг ужасную катастрофу и вместе с тем напряженно соображают, как бы такому делу помочь. Каждая из них была матерью и хозяйкой дома, сколь бы ни был мал этот дом.

Ленка стояла, прислонясь к дощатому забору. «Вы ведь и не знаете, где она, эта Япония, – думала она, – но вы знаете, что такое беда. А то, что сами вы не одеты и не сыты, это для вас большого значения не имеет. Я не могу вас накормить, это вы меня кормите, но я должна сделать так, чтобы с наступлением темноты вы не запирали двери, не загоняли ребятишек домой, не боялись выйти на улицу. Чтоб жизнь ваша была покойна, иначе грош мне цена».

Жаль, что она не может быть вместе с этими бабами, выступить с ящика, как та, что в красном платочке, замешаться в толпу, которая ее слушает. Нет, ее место не здесь, ее дело толкаться на барахолке, среди синих опухших физиономий, обросших свиной щетиной; на рынке, где снуют базарные воровки, что носят на себе две юбки, сшитые по краю подола; на рынке, где самые светлые личности – это какие-нибудь дамы из бывших, одетые в потертый бархат и торгующие зелеными и черными страусовыми перьями. Ее дело – это ночные облавы на чердаках.

Ленка оглянулась, сама не зная почему. На нее смотрел беспризорник, и это было странно.

Не лицо поразило ее – в этом бескровном и грязном, как у всякого беспризорника, лице не было ничего особенного. Ленку порастил его взгляд. Именно потому, что мальчик был черно-грязен, взор его сверкал белым блеском, как у древних статуй с серебряными глазами. И смотрел он очень внимательно.

А потом отвернулся. Все это продолжалось одно только мгновение, но казалось исполненным большого смысла. Ленка пошла вдоль палисадников с самым беспечным видом: что-то, а делать вид – это она умела. «Мне показалось, – думала она. – Мало ли кто на кого и почему посмотрел».

Однако эта встреча оставила у нее очень неприятное впечатление, что, впрочем, не помешало ей купить у бабы на углу алой редиски с мокрыми хвостами и белыми носиками. Все-таки летом легче было жить.

Кроме таинственной Левкиной банды у Дениса Петровича были и другие дела – к сожалению, не менее важные. Одно из них было настолько безотлагательно, что ради него пришлось отложить все другие. В деревню Горловку должен был явиться – можно сказать, совершить торжественный въезд – Колька Пасконников, к которому розыск мог предъявить не один счет. Особенно гордился Колька убийством председателя Горловского сельсовета и его семьи – от старой бабки до малых детей. После того как было решено брать Пасконникова именно в этом селе, на операцию выехал сам Берестов с Рябой и двумя другими сотрудниками.

Обязанности Рябы – грозы местных самогонщиков – были на эти дни переданы Борису.

Фабричный гудок, возвещавший конец дневной смены, уже ревел, когда Борис возвращался домой с окраины, где в маленьком ветхом домишке баба-вдова варила самогон. Вдову было жаль, осталась от мужа с двумя ребятишками, а жить надо.

– Он же на чистом пшене, товарищ красный начальник, – говорила она, взволнованно заглядывая Борису в глаза.

Борис старался отвести взгляд, но невольно глядел на дрожащие губы, которые она с усилием сводила, пытаясь произнести еще какие-то слова. Он много бы дал, чтобы не слышать этих слов, но все-таки наклонился и скорее догадался, чем расслышал:

– Я за этот аппарат... козу отдала...

Достаточно взглянуть на дом, на двор, на ребятишек, чтобы понять: коза была последняя в хозяйстве. Что толку было упрекать сейчас эту женщину?

– Какой молоденький, – сказала она, сияясь улыбнуться, – а какой строгий.

Это было хуже всего. Единственно, что он мог для нее сделать, – это разбить аппарат за углом, чтоб она не видала. Словом, невеселый выдался день, и Борис шел к себе в самом скверном настроении. Путь его лежал через железнодорожное полотно. Когда он уже шел по шпалам, сзади слышались шаги. Его окликнул какой-то высокий уса́тый человек.

– Послушай, – сказал он, крупными шагами догоняя Бориса, – ты не сын ли комиссара Федорова? – и кивнул на водокачку, видневшуюся вдаль над городом.

– Так точно, – брякнул Борис и покраснел, понимая всю неуместность этого разудалого «так точно». Уж очень он был зол после посещения вдовы.

Человек посмотрел на него внимательно.

– Пойдем, – сказал он, – я тебе кое-что покажу.

Они пошли вдоль путей к вокзалу, как всегда полному людей, по несколько суток ожидавших своего поезда, грязных, несчастных, и полубольных. Дальние поезда приходили, стояли, уходили, но даже на крыше вагона уже нельзя было найти мест. В этот раз на дощатой платформе было оживленно: окруженный толпой, плясал беспризорник, ловко выстукивая на деревянных лакированных ложках. Плясали лохмотья, выбивали дробь маленькие черные ножки, сверкали белые глаза. Спутник Бориса остановился и долго смотрел на эту сцену, а потом, словно очнувшись, сказал:

– Пошли.

Они прошли служебным ходом, поднялись по грязной вокзальной лестнице и остановились перед дверью, на которой было написано: «Следователь транспортного трибунала Морковин».

Итак, это был тот самый Морковин, на которого указал ему в губрозыске Ряба. По-видимому, на лице Бориса выразилась тревога, потому что следователь улыбнулся.

– Входи, – сказал он.

В комнате кроме двух канцелярских шкафов и еще более канцелярского столика стояло роскошное кресло в черных деревянных завитках, обитое светлым, в алых розочках репсом. Морковин указал на него ладонью, как бы особо представляя Борису эту диковину, и сказал:

– Прошу.

При этом он снова улыбнулся. Улыбка его сухого лица была странной, но, пожалуй, приятной. Борис осторожно сел в кресло, а Морковин занял свое место за столом. Некоторое время он молча и внимательно смотрел на Бориса, а потом достал из ящика фотографию и протянул ее через стол.

Среди деревьев на траве стояло четверо. Первый слева широко расставил ноги, заложил руки за спину и, вскинув голову, шурился на солнце. Борис разглядел всё: и не то полуулыбку, не то гримасу, слегка приоткрывшую ровные зубы (впрочем, это только здесь, на фотографии, они казались такими ровными, на самом деле передний зуб у отца чуть-чуть заходил на другой), и перекрест ремней на груди, и кобуру на боку, и расстегнутый ворот рубахи. Дома у них не было ни одной отцовской фотографии.

Стоявших рядом с отцом двоих людей Борис не знал. Четвертым был тогда еще безусый Морковин. Борис посмотрел на следователя, тот кивнул головой и сказал:

– Так-то.

Часа два рассказывал он об отряде, в котором почти всю гражданскую провел комиссар Федоров.

Не ожидая просьб, следователь вспоминал все новые и новые подробности.

– А про горох вы помните? – спросил Борис.

– Нет, не помню.

– Отец рассказывал. Пришел ваш отряд в деревню, а рядом гороховое поле. Голодные все, с жратвой-то плохо. Побежали бойцы, особенно же девчонки из лазарета, за горохом, а

отец их под арест посадил. Сидят они, арестанты, в избе, а бабы деревенские им, тайком от отца, еду носят. Очень любил он эту историю вспоминать.

– Нет, такого случая я не помню, – повторил Морковин. – А что ты сейчас делаешь?

Стоило Борису назвать розыск, как следователь сразу помрачнел.

– Розыск, говоришь? – медленно повторил он.

Борис смотрел на него с удивлением. Морковин встал и прошелся по комнате (Борис заметил, что он сильно сутулится), постоял, потом подошел к одному из шкафов и достал папку.

– Вот, – сказал он резко, – сводка по уезду за один лишь последний месяц.

И начал читать ровным голосом:

– «Демичевская волость. В овраге близ деревни Малые Огороды обнаружен труп мужчины без головы. Опознать не удалось. На дороге у села Софьиной найдена мертвая женщина. Опознанная местными жителями, оказалась крестьянкой этого села. Ключицкая волость. К берегу у деревни Лыски прибило труп мужчины...»

Морковин читал все тем же ровным голосом, и только нога его подрагивала, выдавая ярость.

– Всего по Ключицкой волости четыре убийства. «Микулинская волость...» Можно продолжать? Сводка в шесть страниц.

Борис знал, что не только в их уезде – по всей губернии действуют многочисленные банды, мелкие и покрупнее. Он знал, что борьба еще не кончена. Погибают селькоры, под угрозой жизнь работников местных Советов, сельских коммунистов и комсомольцев, наконец, любого человека, пустившегося в путь по лесным дорогам уезда. В некоторых местах до сих пор не ликвидированы логова бывших дезертиров, не говоря уже о «рассыпчатых» бандах, которые бесследно исчезают по деревням. Все это Борис знал, однако месячную сводку видел впервые.

– Ну? – спросил Морковин, с той же яростью подрагивая ногой.

Что мог Борис ему ответить?

– Да понимают ли, наконец, работники вашего розыска, – продолжал следователь, – что они в ответе перед народом, что революция поручила им защищать жизнь людей?! А что они делают? Защитники! Там в овраге труп без головы, а здесь по речке покойник плывет!..

– Разве же у нас одних такое положение? – робко вставил Борис.

– За объективные причины прячетесь? Что же у вас в розыске, коммунистов нет?

– У нас все либо комсомольцы, либо коммунисты. И Денис Петрович...

– Это Берестов, что ли? Да какой же он к черту коммунист? Жизнь свою отдай, а дело сделай – вот что такое коммунист. Для большевика нет ничего невозможного – ты про это слыхал? Впрочем, ты все это, наверное, еще от отца слыхал, – продолжал Морковин уже более мирно, усаживаясь за стол. – Его бы сюда начальником розыска, он бы показал, что могут сделать большевики.

Морковин взял карандаш и стал им постукивать по столу – то носиком, а то, быстро перевернув, другим концом – видно, стараясь успокоиться. Взгляд его перебегал из стороны в сторону.

– Отдать тебе фотографию?

– Если...

Морковин поднял брови, а потом встал и отошел к окну. Борису теперь видна была только сутулая спина.

– Если у тебя что-нибудь случится, – услышал он вдруг голос следователя, – если беда какая-нибудь или просто станет трудно, приходи ко мне. Ты мне не чужой.

Когда он повернулся к Борису, лицо его было почти ласковым.

– А что касается твоего Берестова, – весело продолжал Морковин, – то я тебе вот что скажу: я транспортник, и он мне не подчинен, но пусть что случится в полосе отчуждения, тогда... Тогда будет у нас разговор.

Борис был недоволен собой. Почему не нашлось у него слов, чтобы рассказать Морковину о ежечасной трудной работе розыска? Разве Сычова было взять легко? Или сладко придется Берестову сегодня, когда он столкнется с Колькой Пасконниковым? Да, наконец, сколько часов в сутки спит каждый из работников розыска?

Он шел по темным и совсем уже пустынным улицам. Сразу видно, что в городе неладно. Раньше, бывало, ребята допоздна заигрывались в лапту или горелки, а потом начинались бесконечные провозжания. Долго слышалось тогда по городу: «Завтра придешь?» – «Не знаю». – «Приходи!»

Теперь все было мертво. Все наглухо заперто. Даже собаки не лаяли.

«Да, служба, – думал Борис, – одни покойники. Только и слышишь – там убили, там ограбили. Как в больнице начинает казаться, что все люди на свете больны, так и сейчас кажется, что в мире никого нет, кроме преступников. Да, списочек».

Он вспомнил, что Берестов со своими теперь уже в Горловке; вместе с сельскими комсомольцами и волостным милиционером они будут брать бандитов сегодня ночью, когда те перепьются. Что же – пьяные бандиты не лучше трезвых.

Борису было обидно, что его не взяли на эту операцию, все-таки настоящих дел ему не...

Вдруг грянул выстрел. Послышался топот, крик, все враз по городу залились собаки. Он кинулся в ту сторону, откуда слышен был выстрел, но попал в тупик, перелез через забор в чей-то огород и побежал по мягким грядкам; опять перелез через забор и потерял направление, однако сейчас же свернул на голоса.

Город был переполнен разноголосым лаем, но то, что увидел Борис на улице, казалось, происходило в глубокой тишине.

На земле лежала женщина, рядом на коленях стояла другая. Какой-то человек, как оказалось, знакомый Борису милиционер Чубарь, еле светил на них фонариком, в котором явно кончалась батарейка.

– Ну что, что, что? – в тоске говорила та, что стояла на коленях. – Куда они тебя?

Лежавшая на земле отвечала голосом детским и сонным:

– ...Я тянула... не отдавала... Все тянула...

Это была совсем молоденькая девушка, коротко стриженная, с тонкой шеей, нарядная и на высоких каблучках. Она, видно, старалась рассказать, как у нее отнимали сумочку. У ворота ее кофты расплывалось темное пятно. Стоявшая на коленях стала расстегивать ворот, еле справляясь с набухшими от крови петлями.

– В больницу, быстро, – сказала она шепотом милиционеру. – Фонарик, – бросила она Борису.

И тут он увидел, что это Ленка.

Милиционер побежал, тяжело бухая сапогами. Город утихал, собаки успокаивались. Ни одно окно не открылось, не скрипнула ни одна дверь.

Когда Ленка расстегнула наконец воротник, они не увидели раны: в глубокой ямке над ключицей стояла кровь, быстро наплывавшая. Скомкав платок, Ленка придавила им рану, сиюсь остановить кровотечение, однако ткань быстро намокала.

– Сейчас, сейчас, дорогая, хорошая, – говорила Ленка, – сейчас придет доктор...

Сквозь пальцы ее уже проступала кровь. Даже при свете фонарика было видно, как быстро белеет лицо раненой. Вдруг она повернулась немного набок, прислонилась щекой к земле и начала тихо подтягивать колени, устраиваясь – очень медленно и бережно – поудобней, как ребенок, который собирается заснуть. Губы ее были раскрыты и вздрагивали.

– Подожди, подожди, – с отчаянием говорила над ней Ленка, – девочка, подожди!

Но та не могла уже ждать. Борис вдруг заметил, что рот ее, только что детски раскрытый, теперь странно скалился, а во всей позе появилась какая-то костяная жесткость.

Ленка встала. Испачканную в крови руку она отвела и держала на весу, лицо ее было залито слезами.

Послышались голоса, топот ног. Очень торопясь и еле перебирая ногами, к ним бежал старый доктор, любимец города Африкан Иванович. За ним рысцой следовали санитары и милиционер.

Долго стояли они вокруг, не произнося ни слова. Лицо мертвой было теперь совершенно спокойно.

– Я ее знаю... знал уже теперь, – сказал милиционер Чубарь, – она в исполкоме работала. Видно, засиделась допоздна, и вот тебе...

– Ах, беда, беда! – сказал доктор.

Санитары закурили, дали прикурить и милиционеру.

– Сегодня в исполкоме жалованье давали, – сказал один из санитаров, кивнув на убитую.

Потом Чубарь рассказал, как он, стоя на посту, услышал выстрел, крик... ах ты, мать честная!

– А кто же стрелял? – спросил Африкан Иванович. – Рана-то ведь ножевая?

– Действительно, кто же стрелял?

– Наверно, все-таки милиционер, – холодно сказала Ленка.

– Я не стрелял.

– Интересно, – сказал один из санитаров.

Борис посмотрел на Ленку. По-видимому, она уже обрела спокойствие.

– А ты не видела, кто стрелял? – спросил у нее Чубарь.

– Нет, я живу неподалеку, шла домой, услышала выстрел и прибежала сюда почти вместе с вами.

– Я ее знаю, – поспешно вмешался Борис, – утром она придет к нам дать показания.

А на земле смиренно лежала убитая, словно понимая, что жизнь пошла дальше без нее.

Борис почувствовал, что Ленка дрожит.

– Тебе холодно, – сказал он, стараясь изо всех сил, чтобы она не слышала, какую нежность он вкладывает в эти слова, – пойдем.

И взял ее за локоть. Ленка отпрянула, словно ее ударили, прошипела что-то и разом исчезла в темноте.

На следующий день весь город говорил об убийстве. Имя Левки называли повсюду. Рассказывали даже, что где-то расклеены объявления: «После двенадцати ночи хозяин города я. Левка», однако это была, должно быть, видоизмененная версия поселкового столба. Во всяком случае, никто этих объявлений не видал.

Берестов вернулся, но весть о том, что банды Кольки и самого Кольки уже не существует, никого не обрадовала.

– С меня хватит, – говорила Ленка, когда они снова все вместе собрались у Берестова. – Понимаете? Хватит.

«Да, с меня, пожалуй, тоже хватит», – подумал Борис.

Все они сидели за столом вокруг лампы мрачнее мрачного. Водовозов, опустив темные веки, смотрел в стол, блики играли на его лице, казавшемся бронзовым. Берестов глядел на язычок огня и, видно, что-то соображал.

– Они могли вас видеть, – сказал он наконец, – когда вы стреляли на улице.

– Они не могли меня видеть, – ответила Ленка, – было темно, я стреляла из переулка. – Она повелительно обернулась к Борису.

– Да, было очень темно, – помолчав, сказал Борис, – они не могли ее видеть.

– Но ее могли разглядеть потом, когда светил фонарь. Они могли спрятаться неподалеку.

– Вряд ли. Но и в этом случае они, конечно, подумали, что стрелял милиционер.

– Вы попали? – спросил Водовозов, не поднимая глаз.

Он только что вернулся и не знал подробностей.

– Не думаю. Я боялась попасть в девушку.

– Что дала облава?

– Ничего.

Все опять замолчали.

– Я не понимаю, – начала Ленка голосом мерным и дрожащим, – почему вы бережете меня, умеющую стрелять, а не бережете...

Голос ее стал хриплым, она откашлялась и замолчала.

И снова Борис с ней согласился:

– Так все-таки, чего же мы ждем?

– По правде сказать, я надеялся, что мы сможем обойтись с вами и без таких крайних мер, – ответил Берестов.

– И обошлись? – резко спросила Ленка.

– Вы сами знаете.

– Значит?

– Значит, хоть виляй, хоть ковыляй – приходится решаться на ваш план.

Ленка откинулась в кресле. Все видели, что она порозовела, что ее глаза стали блестеть, – словом, все поняли, что она очень обрадовалась. Но никто не знал и не мог знать, как жалось ее сердце, когда она вспомнила мгновенную встречу на улице и мысленно вновь увидела бледное, грязное и внимательное личико беспризорника. «Вздор, – подумала она, – ведь не отказываться мне от этого плана, исполнения которого я так добивалась (и по поводу которого так много нахвастала – могла бы она прибавить), только потому, что какой-то беспризорник как-то на кого-то посмотрел. Во всяком случае, после той ночи над девочкой из исполкома это уже не имеет значения».

– Только я хочу предупредить, – сказала она, – ни один человек в розыске не должен знать об этой операции. Ни один. Я предсказываю вам: если об этом будет знать хоть один человек, я на дороге тоже никого не встречу:

– Вы хотите сказать...

– Да, хочу.

Наступило тягостное молчание.

– И у вас есть основания? – резко спросил Берестов.

– Ваши знаменитые засады достаточное основание.

«А комната в корпусах, опустевшая к нашему приходу, – мысленно поддержал ее Борис, – разве это не основание? Да что там говорить, все мы понимаем, что с этим делом неблагополучно».

Тут он увидел, что Водовозов смотрит на Леночку, и на потемневшем лице его глаза кажутся большими. По-видимому, он хотел что-то сказать, но раздумал, Ленка заметила это движение. «Ну, сейчас что-нибудь брякнет», – подумал Борис, но и она промолчала.

– Хорошо, – сказал Берестов, – не будем спорить. Давно решено: кроме нас троих, об этой операции ни один человек не знает. Пойдете послезавтра, в ночь на субботу. Согласны?

Ленка кивнула, и все поднялись. На Бориса она, как и весь вечер, впрочем, не обращала внимания.

Только когда она ушла, Борис понял, что произошло непоправимое: Ленка пойдет по дороге. Там, у Берестова, ему казалось, что все средства хороши, лишь бы ни в городе, ни в поселке не произошло больше ни одного убийства, но теперь... Неужели среди ребят может быть предатель? Однако последний раз они с Водовозовым выходили в засаду, не сказав об

этом никому, кроме Берестова. Правда, их знают в лицо, за ними могли следить, а Ленку никто не знает. Расчет ее верен. Но примириться с этим нельзя.

Завтра. Завтра пойдет она по проклятой дороге. Это завтра казалось чертой, разделившей жизнь надвое, бедой, что сторожит из-за угла, порогом, который не переступить. Борис бродил и по городу и за городом – несколько часов. Бывали минуты, когда он готов был пойти прямо к Ленке в тот окраинный домишко, где она жила, однако он не имел права этого делать. Сколько ни твердил он себе, что каждую минуту нужно уметь перенести или хотя бы переждать, ничто не помогало ему в тот вечер.

«Интересно, увидится ли она сегодня с Водовозовым или нет?» – вдруг подумал он и сейчас же пошел в розыск. Водовозова не было. «Ну конечно, они сейчас вместе. Это только мне нельзя к ней приходить. Он приходит».

В жажде горьких воспоминаний побрел он в старый парк, где так недавно и так расточительно, не понимая своего счастья, виделся с Леночкой. На ту самую скамейку под бузиной.

Скамейка была занята. На ней сидела Ленка.

– А позже прийти ты не мог? – сварливо спросила она. – Второй час здесь торчу.

– Ты только не волнуйся, – говорила она. – Брось. Все будет в порядке. Впрочем, это всегда так, – добавила она задумчиво, – мне идти – ты волнуешься, тебе придется идти – я себе места не найду. Уж такое наше дело.

Борис не узнавал ее. Это была новая Ленка.

– Тебе тогда здорово жаль было бабушку? – спросила она.

– Очень жаль. Был такой добрый гриб-боровик, смешливый старый гриб.

– Вот видишь, как же мне не идти?

– Неужели завтра пойдешь? – спросил он, за плечи привлекая ее к себе.

Она кивнула, глядя ему в глаза.

– Неужели завтра действительно пойдешь?

Она снова кивнула.

– А поцеловать тебя можно?

И она кивнула в третий раз.

С силой он сжал ее в объятиях и слышал, как она что-то шепчет, уткнувшись лицом в его куртку. Ему даже показалось, что она плачет.

– Что ты, что, хорошая моя?

– Ты расплющил мне нос о пуговицу, – внятно сказала она, поднимая к нему лицо. А глаза ее были туманны.

– Я не волнуюсь, – сказал он. – Только бы скорее прошла эта ночь. Вот и всё.

– Перешагнем, – весело ответила прежняя Ленка. – Только не убирай руку, – прибавила новая.

Он и не думал убирать руку, которой прижал к груди ее стриженую голову.

– Какие волосы у тебя странные. Даже ночью видно, что полосатые, светлые и темные.

– Это они летом так странно выгорают. Милка так и называет их продольно-полосатыми.

– Что это за Милка?

– Ведерникова Милка, мой лучший друг. Вот, наверно, ждет меня, не дождется.

– Постой, она знает о том, что ты поедешь в поселок?

– Конечно, я ей написала.

– Ленка, какая неосторожность.

Ленка засмеялась.

– Ничего ты не понимаешь, – сказала она. – Мальчик.

– Как светло. Ну и ночь.

Вдали пробежал состав, унося далеко на север крик паровоза.

– Когда поезд вот так убегает куда-то, – продолжала Ленка, – сразу представляется, какая у нас огромная страна, и начинаешь чувствовать себя очень маленькой. А когда я шла – вот как пойду завтра – ночью по дороге, мне казалось, что я одна иду, огромная, по пустынному земному шару. Это неприятно. Лучше чувствовать себя маленькой в большой стране. Ты напрасно ревновал меня к Водовозову, – добавила она вдруг, но Борису этот переход не показался странным. – Ты знаешь, что они никогда не расстанутся, – продолжала она. – Куда бы Дениса Петровича ни назначили, Павел Михайлович, как говорится, пройдет огонь и воду, а окажется рядом с ним. Я не знаю, как тебе объяснить, только когда я разговариваю с кем-нибудь из них, я всегда думаю о том. Даже не думаю, а знаю... какая у нас большая страна, как огромна революция и сколько еще всего нужно сделать. Я, наверно, плохо объясняю.

– Ты объясняешь плохо, но я почему-то все-таки понимаю. Ты хочешь сказать, что они молодцы.

– Я вернусь, – шептала она, когда была уже поздняя ночь, – я вернусь, хотя бы потому, что жить без тебя уже больше не могу.

Смел ли он мечтать, что Ленка, сама Ленка скажет ему когда-нибудь эти слова! Да Ленка ли это?

Вдруг она выпрямилась. В лунном свете ее лицо казалось белым и твердым.

– Я вернусь и буду штопать тебе носки, – сказала она напряженным голосом.

Борис сейчас же понял и рассмеялся. Для девушек их поколения носки были символом домашнего рабства и олицетворением домостроя. Недаром недавно в клубе у них исключили из комсомола одного парня «за взгляд на женщину как на рабыню». Большой жертвы Ленка принести не могла.

– Можешь не беспокоиться, – сухо повторила она, – я вернусь, чтобы штопать тебе носки.

– А я и не беспокоюсь, – ответил он, – у меня нет носков, я хожу в портянках.

– Нам пора, смотри, как посветлело на востоке, – сказал Борис.

– Ну подождем еще немного.

– Тебе нужно выспаться.

– У меня на это весь завтрашний день, до вечера.

– Ну тогда иди ко мне.

Берестов и Водовозов долго еще сидели в розыске. Денис Петрович зашивал гимнастерку.

– Никак не удастся нам с тобой, Пашка, дом завести, – говорил он, – где бы нас с тобой ждали и пуговицы пришивали бы. Впрочем, тебя, ты говоришь, невеста ждет. Удивительно, как оно все лезет.

– Брось врать, – кратко ответил Водовозов.

– Разве я вру?

– А что же ты делаешь?

– Конечно, мне тоже тяжело. Но я думаю так: наш долг любыми средствами остановить убийства.

Ты этой бабки не видал, когда она на дороге лежала, а я видал. И если теперь мне предлагают сотрудника, который такие дела делал и может сделать, я не имею права отказываться. Тем более, что всех нас знают в лицо, а ее никто не знает.

– Да ведь девчушка же. Случись с ней что-нибудь, мы же со стыда сгорим.

– А так не горим?

Водовозов ходил из угла в угол, по привычке засунув руки в карманы галифе.

– Что же, она пойдет по лесу, а нам дома сидеть? – спросил он, остановившись.

Берестов не ответил.

– Денис Петрович, – вдруг с мольбой сказал Водовозов, – позволь мне за ней пойти. Я как змий проползу.

– А что же ты думаешь, мы и в самом деле дома сидеть будем? – ответил Денис Петрович. – Конечно, мы за нею пойдем.

Он говорил медленно и отдельно.

– Отказаться от этой операции мы сейчас не можем, это единственный способ покончить с бандой – взять ее с поличным. Бандиты действуют только ножом, стрелять они боятся. Одинокую девушку на дороге они, конечно, сперва остановят, потребуют, как всегда, денег. Мы с тобою пойдем за ней вдвоем, но пойдем не со стороны железной дороги. На рассвете мы поедем в Новое село, оставим там лошадь, пройдем лесами и будем к ночи у дороги. Леночка пойдет с последнего поезда. Мы вполне успеем. Куда ты?

– Так лошадь же добывать, – весело откликнулся Водовозов, исчезая за дверью, – наша-то подвода в отъезде, Денис Петрович!

Глава IV

В свои тридцать шесть лет Александр Сергеевич считал себя стариком, смерть жены, большой сын, огромная и ответственная работа по строительству моста – словом, он считал себя стариком. Поэтому, когда Милочка Ведерникова стала попадаться ему на всех перекрестках, краснеть при виде его и шарахаться в сторону, все это показалось ему очень странным, а потом забавным. А скорее всего было грустно. Однако он привык, что первый, кого он, сходя с поезда, встречает на платформе, это Милочка, которая вдруг осипшим голосом говорит ему: «Здравствуйте» – и смотрит долгим взглядом.

Они были соседями. Утром, стоило инженеру подойти к окну, как в соседнем дворе тотчас же появлялась Милка. Она с размаху выплескивала воду из ведра, гонялась за летящим по ветру бельем, гнала кур, вытряхивала какие-то салфетки. И все это был настоящий балет. Инженер не мог отказать себе в этом утреннем удовольствии. Несколько минут он стоял в окне и, улыбаясь, смотрел на Милочкины ухищрения. В эти минуты он чувствовал себя молодым и красивым.

Потом он завтракал, потом шел на станцию. И уж конечно, когда он проходил мимо Милочкиного сада, она вертелась неподалеку и косила на него испуганным взглядом.

И вот она исчезла. Никто не встречал его больше на станции, никто не вертелся во дворе, когда он утром подходил к окну.

«Нет так нет», – усмехнувшись, решил он и перестал о ней думать.

Однажды утром теща Софья Николаевна сказала, подавая ему завтрак:

– Бедная Евдокия Ивановна.

Некоторое время больным от ненависти взглядом он смотрел на шевелящийся кончик ее носа, привычно подавляя чувство раздражения, и молчал. Он знал, что она ждет от него слов: «Ну и что же Евдокия Ивановна?», но никак не мог заставить себя произнести их.

– Ну что же Евдокия Ивановна? – спросил он наконец.

– Как, вы не знаете?

– Откуда мне знать?

– Но вам мог сказать Сережа. Вам он решительно все говорит.

– Слава богу, пока говорит, – ответил он. – Так что же все-таки с Евдокией Ивановной?

– Не с ней, а с ее дочерью.

Инженер насторожился. Речь шла о Милке.

– Ее дочь связалась с бандитами и вошла в шайку так называемого Левы.

– Бывает же такое, – с облегчением сказал Александр Сергеевич.

Софья Николаевна могла и не то сообщить.

Однако через несколько дней он услышал в поезде разговор, отчасти подтвердивший тещины сведения. Видно, с Милкой в самом деле происходило что-то странное. Тут только инженер понял, что ее судьба тревожит его всерьез. «Глупая ты девчонка, – думал он, – что ты делаешь?»

А Милка совсем не чувствовала себя несчастной.

В то утро она встала очень рано и что бы ни делала, все получалось превосходно. Стала стирать – мыло, довольно скверное мыло из потребилки, вдруг сбилось в огромную пену, белым облаком ставшую над черной водой. Пока ветер трепал на веревке чистое белье, Милка успела вымыть пол, да так чисто и сухо, что хоть обедать на нем. И самое удивительное было в том, что она ни минуты не думала ни о белье, ни о поле, ни о грязной воде, которую выплескивала прямо в траву, в лопухи, ни о прекрасном солнечном утре. Она думала совсем о другом.

– Приляг хоть после завтрака, – сказала ей мать, – после еды жир как раз и завязывается.

Но Милка не дала вывести себя из этого царства бездумной деятельности и мечтаний, для нее теперь более реальных, чем жизнь, потому что ей было что вспомнить, было о чем мечтать. Как странно, что раньше всего этого не было. Зачем она жила?

– Только о жире я и мечтала, мамочка, – отозвалась она, – только о нем.

И пошла на крыльцо – раздувать уют и вспоминать. А потом вышла на террасу – гладить белье и вспоминать.

Здесь пахло деревом и смолой, а по стеклам сплошным потоком неслись тени стоявших кругом деревьев. Повсюду плясали солнечные блики, окружая Милку и отгораживая.

Вчера произошло свидание, которого она так сознательно и настойчиво добивалась. После кино они пошли с Николаем не в поселок, как раньше, а в лес.

Они оказались в неслыханной тишине. Над черным лесом возшла луна, большая и чистая, от нее дорога казалась меловой. Было очень тепло.

Николай шагал медленно, в накинута на плечи куртке, как всегда склонив голову, словно раздумывая о чем-то. А Милка шла рядом, в состоянии того высокого напряжения, которое позволяет, не глядя, видеть все – и луну, и меловую дорогу, и его лицо. Он молчал, а ей и не нужно было, чтобы он говорил. Один только раз он поднял голову и медленно взглянул на луну (Милка подумала при этом, что не было у нее в жизни большего счастья, чем этот его взор, обращенный вверх). Лицо его казалось ей бледным и более серьезным, чем обычно. Быть может, оно даже стало печальным, когда он снова опустил голову и, ступив шаг вперед, поддал ногою какой-то камешек, видно нисколько о нем не думая.

Ей хотелось прислониться к его плечу, но она не решалась. Раз только, качнувшись в сторону – нечаянно или нарочно, Милка не могла бы сказать, – она на мгновение прижалась к его твердой руке, однако испугалась и сразу же отошла. Он же продолжал шагать так же медленно, с курткой на плечах. Она уже стала подумывать, не забыл ли он о ее существовании, как вдруг он сказал, не оборачиваясь:

– Тебе не холодно, девочка?

Боже, как хорошо сразу стало на душе. Даже и теперь, стоило ей вспомнить это его «тебе не холодно, девочка», и ее заливало горячее чувство счастья.

Как жаль, что в поселке не любят Николая, что никто не понимает и не поймет их отношений. Сегодня утром она получила письмо от Ленки, удалой своей подружки, и письмо это было полно упреков.

«Слышала я, – писала Ленка, – что связалась ты с неподходящей публикой и сама лезешь в петлю. Ничего, в субботу прибуду самолично и наведу порядок».

«Приезжай, – думала Милочка, – приезжай, дорогой мой атаман, только порядок наводить уже поздно».

Тени от листьев сплошным потоком летели по террасным стеклам, а солнечные пятна так переливались на пестром платье, по которому Милка водила утюгом, что невозможно было отличить, где блики, а где цветы узора, и казалось, что утюг идет по текучей воде, от которой рябит в глазах. Сквозняк вздымал занавески.

«Уже поздно, – думала Милка, – теперь уже поздно, к счастью». Так шли они тогда довольно долго по белой дороге, прорезанной корнями деревьев. Николай больше не сказал ни слова. Он вдруг повернулся к ней весь, притянул ее к себе и вместе с нею отступил в темноту.

Что же, она его любила. И он это знал.

«Сегодня как раз суббота, – с насмешкой и нежностью думала она, – сегодня Ленка придет наводить порядок».

Было жарко от солнца, от утюга, светившего раскаленными углями, а больше всего от воспоминаний. С этой минуты они не говорили ни о чем, и она вновь и вновь вспоминала единственные сказанные им слова и все не могла им надивиться. Если бы Ленка слышала, как он их сказал!

«Индюшка ты, – писала Ленка, – о чем ты думаешь? Я понимала тебя, когда ты была влюблена в инженера, в него и влюбиться не стыдно, но связаться со шпаной...» Милка снова улыбнулась и покачала головой: шпана! Он за нас с тобой воевал, он в боях прошел полстраны до самого моря!

– Милочка, – окликнула ее мать, – выйди на улицу, посмотри, что там за шум.

А Милке было лень. Ей до смерти не хотелось выходить из своего солнечного убежища. Однако мать она уважала и всегда ее слушалась, да и на улицу выйти, кажется, действительно было нужно, потому что по ней двигался какой-то гул, совершенно необычный для их поселка.

Милка выбежала на улицу босая, обжигая ноги о горячий песок. Больше всего в ту минуту, как она вспоминала потом, ее беспокоил горячий песок, о который она обжигала ноги.

По улице в толпе народа двигалась телега, в которой везли Ленку. Милка не сразу узнала ее, белые Ленкины губы были раздвинуты какой-то незнакомой гримасой над стиснутыми зубами. Но светлые волосы, «продольно-полосатые», разметанные сейчас по дощатому дну телеги, чистый лоб, высокие коричневые брови – все это была Ленка. Толчки телеги не тревожили ее, она была неподвижна; только когда телега кренилась в глубокой колее, тихо сползала к борту. Залитая кровью голова ее была далеко запрокинута.

«В субботу прибуду самолично и наведу порядок», – вспомнила Милка, шагая рядом с телегой (на нее все время наезжало заднее колесо). Ей хотелось подложить руку под Ленкину голову, лежащую на досках, но она не решалась.

Ленка лежала в клубе на сдвинутых скамьях. Берестов, Водовозов и Борис были тут.

Втроем сидели они неподалеку, стараясь друг на друга не смотреть. Вставали все трое, как только слышали стон. Врач не скрыл от них, что, по его мнению, она в сознание не придет, однако никто из них врачу не поверил. Им казалось, что не может ничего случиться, пока они так вот, все трое, неотлучно сидят около нее. Время от времени Ленка с трудом поворачивала голову и тихим голосом начинала что-то невнятно тянуть. Тогда они вставали и стояли, напряженные и беспомощные. «Не пушу тебя, не пушу», – твердил Борис, закрывая глаза, и, кажется, повторял вслух.

Но она уходила все дальше и дальше, пока не ушла – навсегда.

Как это было? Был клуб, полный народу, казалось снова превратившийся сейчас в церковь, только мрачную, грязную и захламленную, с полуобсыпавшимися угодниками на стенах. Он слышал, как стоявшая рядом с ним женщина сказала другой: «Все-таки странно, что не открывают гроб». Они были любопытны, им хотелось взглянуть. Гроб, обтянутый красной и черной материей, действительно стоял закрытый – так велел Берестов. Слишком сильно разбита голова.

А он все время забывал, что в гробу лежит Ленка, ему казалось, что она ждет его где-то в другом месте, куда он должен прийти и рассказать о похоронах – ей это будет интересно. Усилиями воли он заставлял себя вырваться из этого странного забытья, и тогда сразу понимал, кто лежит в гробу. Так снова и снова мысль о Ленкиной смерти приходила к нему каждый раз заново – невыносимой болью. Но только на мгновение – потом он опять забывал.

Процессия растянулась на весь город. Впереди лошадка везла телегу с гробом, затем шел розыск, потом милиция, за нею пожарная часть. Берестов и Водовозов шли рядом, опустив голову и заложив руки за спину. «А где мать-то, – говорили в толпе, – мать-то у ей есть?» – «Нет, вроде сирота».

Он идет рядом с Рябой или с кем-то другим, кто несет Ленкин портрет, наклеенный на картон и прибитый гвоздем к палке. Портрет чем-то похож, особенно волосы, только кажется, что на Ленкином лице кто-то толстыми линиями нарисовал другое. А вместо глаз – черные точки.

Перед ним гроб. «Я выбыла, я выбыла, – говорит он, качаясь, – идите дальше». – «Как же я дальше? – спрашивает он. – Как же я без тебя?» Гроб тяжело ворочается на ухабах, он занят этим и не отвечает.

Уже давно засыпали узкую могилу, куда – глубоко вниз – опустили Ленку, уже давно все они разошлись с кладбища, а он все еще видел, как старательно и покорно ворочается на ухабах гроб.

Часть вторая

Глава I

– Ну чего ты хочешь? – спросил Берестов.

– То же, что и тогда, – ответил Водовозов, – то же, что и всегда.

Прошло три дня с субботней ночи, но заговорили они об этом в первый раз.

– Ты это уже сказал, – на лице Берестова играли желваки, – но мы не могли этого предвидеть.

– Обязаны были! – крикнул Водовозов.

Борису начало казаться, словно оба они говорят в каком-то холодном бреду или тяжелом сне. И вдруг он заметил, что Денис Петрович смотрит на них обоих, то на того, то на другого, странным взвешивающим взглядом. По-видимому, и Водовозов заметил этот взгляд. Наступила пауза.

– Ну давай, – сказал Водовозов, – выкладывай.

Берестов подумал еще немного, а потом вдруг решительно выдвинул ящик стола и вынул из него клочок бумаги.

– Читайте, – сказал он глухо.

Уже подходя к столу, Борис понимал, что еще раз сейчас случится несчастье. Он не мог, он не хотел читать этой записки, он вовсе не желал знать о ней.

Это был мятый клочок линованной бумаги из ученической тетради. «Пусть ваши куропаточки сидят в своем угрозыске (здесь следовала матерная брань). Дураков у нас нет». Все это было написано печатными буквами. Борис понял сразу, что это значит, а Водовозов читал долго, листок дрожал в его руке.

– Не понимаю, – сказал он.

– Это было у нее на груди, – ответил Берестов, – они бросили это ей на грудь, когда пробегали. Ты тогда не заметил.

«Тяжело же тебе было умирать на дороге, когда мимо громыхали бандитские сапоги», – подумал Борис.

Вдруг Водовозов не то застонал, не то зарычал. Было видно, как белеет от бешенства его лицо, губы и даже глаза. Таким никогда не видели они Павла Михайловича. Сжимая кулаки, весь набрякший гневом, стоял он перед ними и своими помертвевшими губами не мог выговорить того, что хотел, и казалось, он не мог жить, пока не скажет. Затем круто повернулся и пошел к двери.

– Постой, Павел, – сказал Денис Петрович, – погоди. Наше дело сейчас думать. Ты же понимаешь...

Да, Борис тоже не сразу подумал об этом: записка была заранее и специально заготовлена, ее спокойно и четко выводили химическим карандашом.

Водовозов опять подошел к Берестову.

– Я жить теперь не могу, – негромко сказал он, – понимаешь, Денис Петрович, жить теперь не могу.

Борис шел по городу, не замечая, куда идет.

Она была заранее заготовлена, кто-то вырвал лист из тетради, оторвал клочок и стал выводить печатные буквы. Их было несколько; наверно, они смотрели через плечо тому, кто писал, подсказывали, конечно, смеялись. Лес и ночь – все это была огромная ловушка, куда мы послали тебя.

У дверей клуба, на паперти, мирно сидел Костя Молодцов.

– Привет от бабки, – весело сказал он, поднимаясь, – прислал тебе на помощь.

Постой, постой, мне нужно подумать. Нас было трое, только трое знали об этой операции. Берестов, Водовозов и я.

– Дедка, говорит, за репку, – продолжал Костя, – бабка за дедку и так далее до мышки. Так вот, может, ты, говорит, будешь у меня мышкой.

Борис мельком взглянул на него. Да, теперь это был прежний Костя, несмотря на свои семнадцать лет, – мастеровой с головы до ног. Засаленная кепка его всегда была до отказа сдвинута на затылок, брюки еле держались на бедрах (он лихо подтягивал их локтями), а за ухом обязательно торчал папиросный окурочок.

Подожди. Нас было только трое. Друг друга они знают много лет, друг в друге они уверены. А я... Нет, в тот миг, когда мы читали записку, они еще ничего не подумали. Но сейчас вот, сию минуту, они уже подумали...

– Что было у нас в поселке, что было... – оживленно продолжал Костя.

Он в первый раз вышел из дому после болезни и не мог нарадоваться всему – и вечернему солнцу, и Борису, и ощущению крепости в мускулах.

– Ну здорово, Константин, – сказал Борис, – рад видеть тебя, друг.

И сейчас же забыл о нем.

Интересно, сказали они об этом друг другу или только подумали? Может быть, сказать и не сказали, но подумали и не могли не подумать: ведь нас было только трое...

– Ты чего? – испуганно спросил Костя.

Сейчас, погоди. Кто же это сделал на самом деле? Все это ерунда, – кто же это сделал на самом деле?

– В поселке? – переспросил он. – Что же было в поселке?

В самом деле – поселок. Он забыл одно, быть может самое важное. В поселке живет Милка Ведерникова, которая заранее знала о Ленкином приезде. Искать нужно здесь.

Он не слышал, что рассказывал ему Костя. Он вспоминал. Милка была славной девчушкой с толстыми ногами. Они с ней вместе собирали по вечерам шишки для самовара. С тех пор прошло много лет.

– Что ты мне можешь рассказать про Милку Ведерникову?

– Так я же тебе рассказываю, – Костя смотрел на него с изумлением, – с ней в поселке теперь никто не разговаривает, все зовут бандиткой – ужас что делается!

Так вот оно что. Вот что может вырасти из доброй девочки с толстыми ножками. Однажды к ним в розыск привели бандитскую «маруху». Она была развязной и жалкой, подведенные глаза казались запавшими. Очень возможно, что и она была доброй девочкой с толстыми ножками. Зачем же я теряю время, нужно сейчас бежать к ним и рассказать, они ведь не знают.

Он кинулся было к двери, но остановился.

– Да что с тобой? – спросил Костя.

Нет, он упустил время. Они уже подумали, а может быть, и сказали. Да у него сейчас и не хватит сил в чем-то убеждать их, в чем-то оправдываться. Они могут не поверить и уж обязательно спросят, почему он не рассказал им об этом раньше, до того, как узнал о записке. Действительно, как объяснить, почему он не вспомнил раньше? Нет, у него один-единственный выход – прийти к ним с доказательствами. Он расследует это дело и тогда к ним придет.

– Очнись, – сказал Костя.

В своем овощном ларьке коротконогая Нюрка работала не только из необходимости зарабатывать себе на хлеб, но и по соображениям самого возвышенного порядка.

Мать Нюрки, такая же коротконогая и едва ли не более забитая, всю жизнь работала на купца Кутакова, и Нюрка с детства привыкла бояться всех, кто принадлежал к купеческому званию. Она так бы их всю жизнь и боялась, если бы не революция, которая научила ее нена-

видеть их и презирать ото всей души. Она готова была бы есть одну картофельную шелуху, лишь бы знать, что Иван Ильич никогда больше не откроет своей лавки.

И вот случилось ужасное. Как-то на улице повстречалась ей Анна Федоровна – Нюрка уже смирилась с тем, что все неприятные известия в жизни она получает от Анны Федоровны, – и сказала, не скрывая торжества:

– Что, пришлось снова Ивану Ильичу поклониться?

И как всегда, то, что говорила Анна Федоровна, оказалось правдой: в городе открылся частный магазин Кутакова.

– Вот тебе и революция, – назидательно сказала Анна Федоровна, – вот тебе и мировой пролетариат.

Нюрка пришла в отчаяние. Она не в силах была пройти по той улице, где открылся этот магазин.

Неожиданное облегчение принес ей небольшой листок бумаги с занозами, на которой печаталась газета «Красная искра». Здесь была изображена огромная вздувшаяся рука, сжимающая толстопузого бородача в поддевке. На руке было написано: «Красная кооперация», а под картинкой стояла подпись: «Рукой красной кооперации задушим торгашей и обирал». Нюрка не сразу поняла смысл этой картинки. Ей разъяснили. С тех пор темный ларек, в котором она доселе работала без всяких особых чувств, стал для нее частью великого целого. Слова, которые раньше не имели для нее смысла: «пайщик», «взнос», «правление», «оборотный капитал», – все это теперь вызывало огромный интерес. «Мощные реки создаются из ручейков, – читала она с волнением, – а сильные кооперативы притоком средств от членских взносов» – и представляла себе действительно полноводную реку, от которой всем становилось очень хорошо. Впрочем, ее мечты были совершенно конкретными: ей хотелось, чтобы собралось вместе как можно больше людей, каждый внес бы свой рубль (таков был членский взнос – рубль золотом), и за эти деньги можно было бы кроме столовой, потребилки, булочной и ларька, в котором работала сама Нюрка, открыть еще и чайную (в городе была только частная чайная купца Титова). Может быть, потому, что у нее не было семьи, она могла часами мысленно расставлять столы в этой, пока не существующей чайной, покупать расписные чайники и подносы, мыть полы и развешивать занавески, которые в мечтах ее были всегда расшиты петухами.

Действительность была далека от ее мечты. Кооперация еле ковыляла следом за частными магазинами, доставать продукты было очень трудно, приходилось покупать самое дешевое, иногда на том же рынке, у того же частника; членских взносов было гораздо меньше, чем того хотелось бы Нюрке, – напрасно бегала она на каждое собрание, в надежде узнать, не возрос ли оборотный капитал. А главное, весь этот капитал за месяц мог сократиться вдвое, втрое, вчетверо, просто ничего не стоить из-за падения рубля, и тогда в ларьке у Нюрки не было даже кислой капусты.

Ей хотелось выйти на площадь и крикнуть: «Люди! Все люди! Многоводные реки создаются из ручейков, а сильная кооперация – от членских взносов!», но она никогда не смогла бы этого сделать. С какой завистью смотрела она на делегатов и выдвиженков, которым ничего не стоило выступить на собрании, бросать в толпу лозунги, шутки и соленые словца. Нет, она не могла обращаться к людям. Над нею бы только смеялись. Над ней, коротконогой, и в самом деле смеялись очень много. Да что там, даже разговаривая с заведующим потребилкой, она так дрожала, покрывалась такими пятнами, так плела и путала, что потом самой мучительно было вспомнить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.